

БИБЛИОТЕКА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
«АРИФМЕТИКА ДОБРА»

ДИАНА МАШКОВА
РОМАН АВДЕЕВ

КАРАВАН СЧАСТЛИВЫХ ИСТОРИЙ

ЭКЗЕМПЛЯР НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Диана Машкова

Караван счастливых историй

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Машкова Д. В.

Караван счастливых историй / Д. В. Машкова — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-85287-1

В нашем обществе до сих пор много мифов, предрассудков, страхов, ложных ожиданий, которые связаны с детьми-сиротами. Они мешают усыновлению. Решиться принять ребенка в семью становится невероятно сложно. Книга «Караван счастливых историй» – это реальные истории приемных семей. Истории о людях, которые прошли через многие трудности, проделали долгий путь и до сих пор каждый день занимаются подчас невероятно тяжелой, но бесценной для детей и всего нашего общества работой. Рассказы семей помогут избавиться от многих мифов и подготовиться к важному решению – принятию ребенка в семью. Авторы уверены: в сложном вопросе создания семьи важно знать, что ты не один, не исключение из правил, вокруг много людей, которые стали или скоро станут усыновителями. Книга создана в рамках программы благотворительного фонда «Арифметика добра» Клуба «Азбука приемной семьи». a-dobra.ru

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85287-1

© Машкова Д. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	6
Семья Салteeвых-Машковых	10
Моя сестренка! Берем и бежим!	11
Семья Торопцевых	29
Привет, папа!	30
Семья Городиских	47
Ты будешь старенькой, я стану за тобой ухаживать	48
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Машкова Диана, Авдеев Роман

Караван счастливых историй

© Машкова Д., Авдеев Р., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Как это ни парадоксально звучит, но в нашем обществе до сих пор не хватает прежде всего информации о детях-сиротах и их жизни в детских домах. Поэтому очень часто возникают ложные и надуманные суждения. Есть широко разрекламированные детали, которые имеют ничтожное значение, и в то же время есть действительно важные вещи, на которые просто не обращают внимания. Именно поэтому одной из главных задач в решении проблемы сиротства я считаю просвещение.

Люди зачастую многого не понимают. Не нужно далеко ходить – прежде всего я сам ничего не знал, во многом заблуждался. То, как я себе представлял жизнь сирот, и то, с чем столкнулся на самом деле, – это совершенно разные вещи, ничего общего между собой они не имеют. Мне, конечно, всегда казалось, что детский дом – это неправильно, я был далек от того, чтобы считать нормой жизнь ребенка вне семьи. Но вот что именно там неправильно, я не понимал. И потом, по мере столкновения с реальными жизненными ситуациями очень остро переживал эти открытия. Все оказалось совсем по-другому, одновременно и сложнее, и проще.

Я уже не раз рассказывал историю про сахар, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Когда я помогал детским домам, это было в 90-х, то старался не просто приехать, что-то привезти, но и пообщаться с воспитанниками. В те годы в прессе почему-то было очень много статей о том, что в детских домах работают люди, лишённые человеколюбия и гуманности. Писали, что сотрудники не любят детей, заведомо плохо к ним относятся. Наверное, в реальности бывает по-разному, но в тех домах, куда ездил я, работали фанаты своего дела. Люди трудились прежде всего за идею, а не за деньги и искренне заботились о детях, стремились им помочь. Проблема была в другом – сама обстановка учреждения, сама система, изменить которую они не могли, оказывала на детей патологическое воздействие.

И вот как-то в очередной раз я приехал, пообщался с воспитателями, потом начал беседовать с двумя девочками-воспитанницами. Они поначалу были очень зажаты, совершенно не расположены к разговору – приехал тут какой-то начальник, очередной чужой дядя. Ну и я, чтобы как-то разрядить обстановку, предложил: «Девочки, давайте чаю попьем». Они меня повели в столовую. И мы сели за стол, на котором стоит чайник. А сахарницы нет, и я спрашиваю: «А где у вас тут сахар?» И они мне в ответ: «А что это такое?» Первая мысль, конечно, о том, что крадут и у детей даже сахара нет. Но все оказалось намного проще. Сахар есть, причем в достатке. Его просто кладут сразу в чайник и размешивают, чтобы никто не рассыпал по столу, не возил туда-сюда ложкой. То же с хлебом – он всегда нарезан. То же с обедом – он всегда вовремя на столе. То же со многими другими благами, которые для детей в детском доме являются словно бы из ниоткуда. Вот из таких мелочей у детей-сирот складывается ложное представление о том, как устроен мир. И именно это представление способно погубить их будущее. Выпускники детских домов выходят во взрослую жизнь и словно попадают на Землю с другой планеты. Они не представляют, что и откуда берется. Казалось бы, мелочи – сахар, хлеб, но в совокупности с другими подобными вещами они оказывают фатальное воздействие на формирование детей-сирот. А раньше я о таких вещах даже подумать не мог.

Кстати, потом вдруг история с сахаром повторилась у меня дома. Дети пошли в школу, по утрам стало довольно напряженно – сразу всех надо собрать, накормить, и няньки для того, чтобы экономить время, чтобы дети не рассыпали ничего по столу в самый ответственный момент, тоже стали заранее класть сахар в чай. Помню, я на это сразу как-то очень остро среагировал, и все прекратилось. Но, когда подобное происходит дома и несистемно, ни к чему фатальному это не приведет. Рано или поздно ребенок все равно сам возьмет сахар, сам нальет себе чаю и положит столько ложек, сколько ему надо. А вот в детском доме такой возможности нет, там сладкий чай – это данность и элемент системы.

В таких деталях кроется первая часть вопроса о жизни детей-сирот. А вторая часть – это наше отношение к воспитанникам детских домов, наше восприятие «других», «непохожих», тех, кого мы предпочитаем не замечать.

Даже несмотря на то что в последнее время о детях-сиротах стали много говорить, начали освещать эту тему, чего в принципе не было в Советском Союзе, все равно обществу легче делать вид, что сирот не существует. И это очень болезненный вопрос, поскольку, пока мы не научимся их замечать, пока в эту тему не будет вовлечено огромное количество людей, точнее, подавляющее большинство, проблема не будет решаться никак. Даже в ситуации, когда государство оказывает значительное влияние, тратит огромные деньги на решение проблемы, ничего не меняется, если само общество остается в стороне. Вопрос уже не в деньгах, а в нас с вами. Вопрос в том, как мы собираемся с этим жить и что именно можем сделать. Каждый должен ответить себе на него. И, может быть, я слишком идеалистически настроен, но я верю, а точнее, твердо знаю: если общество начнет обращать больше внимания на проблему сиротства, ее просто не станет.

В этой книге вы найдете реальные истории людей, которые уже встретились лицом к лицу с детскими домами и приняли сирот в свои семьи. Каждый из этих людей ответил для себя на вопрос: «Что именно я могу сделать?» И каждый играет сегодня очень заметную роль в процессе просвещения, о котором я говорил в самом начале. Истории семей, на мой взгляд, необязательно должны заканчиваться «хеппи-эндом», гораздо важнее другое – они должны быть невыдуманными и абсолютно реальными. Только так мы сможем рассказать о настоящем положении дел и донести правду до тех, кто пока еще не сталкивался с жизнями и судьбами детей-сирот.

Я сам, разумеется, не скрываю того, что у меня усыновленные дети. Часто беседую с людьми, они меня о многом спрашивают. И так получилось, что некоторых своих знакомых я от усыновления уже отговорил. По той простой причине, что люди оказались не готовы: они не представляют себе реального положения вещей. Возможно, понадобится не одна книга, не один год и очень серьезное погружение в тему, прежде чем у них наступит готовность принять ребенка-сироту и разделить с ним жизнь. А может быть, этого так и не произойдет. И очень хорошо, если люди вовремя это осознают! Когда семьи берут детей, не понимая до конца, на что именно они идут, в результате нередко возникает единственный выход – отказаться, вернуть. А это катастрофа. И происходит она прежде всего от непонимания реального положения вещей, незнания действительной ситуации. Намного лучше, когда потенциальные родители трезво оценивают свои возможности и говорят: «Я не могу пока принять ребенка в свою семью». При этом они могут совершать какие-то другие хорошие и важные поступки.

Я далек от того, чтобы давать людям советы. Человек всегда сам для себя может решить, какой именно будет его помощь. Я также прекрасно понимаю, что совершенно бессмысленно утверждать: «помогать должны абсолютно все». Мне чужды подобные призывы. Но если у человека открывается сердце и он испытывает потребность поддерживать кого-то, необязательно именно ребенка-сироту, то это уже очень сильно меняет и самого человека, и наше общество в целом. Задумавшись, он обязательно найдет для себя именно то доброе дело, которое ему по душе и по плечу. Всегда нужна помощь семьям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, материальная поддержка матерей-одиночек, многодетных семей – это именно та работа по профилактике сиротства, которая не позволяет детям терять свои семьи и оказываться в детских домах. Конечно, прежде чем приступать непосредственно к действию, нужно обратить самое пристальное внимание на реальную ситуацию, многое прочитать, увидеть, понять. Нередко, например, в детские дома идут с «помощью» в виде праздников, дорогих подарков, угощений, не задумываясь о том, что такое разовое вмешательство детям только вредит. Нужно понимать истинные потребности ребенка-сироты, знать особенности его жизни и быть готовыми идти в эту тему всерьез и надолго, чтобы стать значимым взрослым, а не про-

бегавшим мимо волонтером. Тогда это действительно принесет пользу. Но, повторяюсь, каждый делает выбор для себя, руководствуясь тем, что исходит из сердца и от души. Здесь у каждого может быть только свой путь.

Для меня, например, новым этапом помощи детям стало основание благотворительного фонда «Арифметика добра». Я пришел к этому через опыт поддержки детских домов в результате усыновления 17 детей. Помощь в моем случае всегда была вопросом действия, так же произошло и с фондом. Причем довольно случайно.

В один из очередных своих дней рождения, которые я стараюсь не отмечать и обычно отключаю телефон, я вынужден был остаться на связи. Почему не отмечаю? Считаю, что это прежде всего праздник моих родителей, а моей собственной заслуги в том, что я появился на свет, в принципе нет. Поэтому и поздравлял всегда маму с папой, звонил им утром, а потом выходил из эфира. Проводил день с женой и детьми. Но вот два года назад на свой день рождения я не смог отключить телефон из-за сделки, которую мы в тот день проводили. В итоге все звонили, поздравляли, а я вдруг подумал, что давно уже взрослый человек, а прячусь, как мальчишка. И решил, что, наоборот, надо всех пригласить и сделать это с конкретной целью. Тема сиротства не оставляла меня никогда по одной простой причине: этим детям, кроме нас, больше некому помочь. Дальше выяснилось, что, для того чтобы собраться в таком формате и устроить праздник, посвященный благому делу, нужен фонд. Первоначально у меня была идея распределить деньги, которые будут пожертвованы на празднике, по каким-то другим фондам. А потом я понял, что если уж отвечаю за идею, то и ответственность за ее реализацию нужно полностью брать на себя. Мы зарегистрировали фонд, провели мероприятие, и люди откликнулись.

Оказалось, что я очень долго шел именно к этому. Всегда понимал, что в части сиротства в благотворительной сфере нужно ставить перед собой самые амбициозные задачи и менять ситуацию системно. Действовать через изменение мировоззрения общества, через просвещение, через привлечение людей к этой проблеме и их объединение. Кстати, название фонда тоже

возникло случайно, само по себе. В добре, в благотворительности заложена совершенно особая арифметика, не математическая. Здесь $1 + 1$ – это не 2, это гораздо больше.

Для меня создание фонда – это попытка вовлечь людей в решение проблемы сиротства. И чем больше добрых дел мы делаем все вместе, тем больше положительной энергии возникает вокруг нас, в целом мире. И тем счастливее становимся мы сами.

Роман Авдеев, основатель фонда «Арифметика добра», отец 23 детей, в том числе 17 приемных

Семья Салтеевых-Машковых

Моя сестренка! Берем и бежим!

Диана Машкова, руководитель клуба «Азбука приемной семьи» фонда «Арифметика добра», писатель, журналист, мама четверых детей, трое из которых приемные.

Первый приемный ребенок появился в нашей семье в 2013 году. К тому времени мы с Денисом были женаты уже 17 лет, а кровной дочке Нэлле исполнилось 14. К усыновлению мы готовились долго. Давным-давно решили для себя, что у нас обязательно будут приемные дети – понимали, что без семьи ребенку в нашем мире практически невозможно выжить. Но сделать первый шаг оказалось сложно. Мешали внутренние проблемы: страх не справиться, неуверенность в своих силах, банальные бытовые трудности – сначала нужно было самим повзрослеть, заработать на жизнь, обзавестись жильем, а потом уже принимать на себя ответственность за детей-сирот.

В 2002 году, после защиты кандидатской диссертации, я оставила работу преподавателя, за которую в то время платили неприлично мало, и мы с семьей переехали из Казани в Москву. Переезд оказался многоэтапным. Сначала перебралась я. Начала работать переводчиком у британских журналистов из Daily Telegraph, которые делали специальное приложение к газете об инвестиционной привлекательности России. Стала в день зарабатывать больше, чем мне платили за месяц работы в вузе. Сняла комнату. Через некоторое время следом за мной приехал в Москву Денис. Он, уже состоявшийся специалист, тоже легко нашел работу в своей сфере, в области телекоммуникаций. Еще через несколько месяцев мы смогли наконец снять квартиру и забрать Нэллу. Ей тогда было три годика. Со всеми этими переездами так вышло, что около полугода нам с ребенком пришлось жить в разных городах – мы в Москве, она в Казани, с бабушками-дедушками. Это был самый тяжелый период в нашей жизни. Конечно, мы с мужем ездили в Казань каждые выходные, но совместные субботы-воскресенья не заменяли полноценной семьи, да и прощания с ребенком каждую неделю убивали. Думаю, тот опыт разлуки стал дополнительным стимулом к тому, чтобы усыновить ребенка. Мы на собственной шкуре ощутили, насколько это противоестественно и болезненно, когда родители и дети не могут быть вместе. Мир маленького ребенка – это его мама и папа. Если значимых взрослых нет рядом, почва моментально вылетает из-под ног.

Прекрасно помню свою собственную детскую привязанность к маме. Стоило ей исчезнуть из поля зрения, как тут же появлялись тревога и страх. Из-за вынужденной разлуки с мамой – пусть всего лишь на день – я ненавидела детский сад. Всегда воспринимала это заведение как самое отвратительное место на Земле. Причина ненависти была еще и в том, что дети без родителей моментально превращались в безвольные объекты манипуляций взрослых. Воспитателям было неинтересно налаживать контакт с нами, искать подход, зато ничего не стоило прилюдно унижить, принудить, наказать. Конечно, не все малыши реагировали болезненно на такое положение дел, кто-то и дома не знал другого обращения, но для меня подобное отношение взрослых было катастрофой. Когда мама приводила меня в группу, я вставала у входной двери, спиной к воспитателям и минимум до обеда лила слезы, кричала: «Мама Неля! Папа Вова!» Было по-настоящему больно оттого, что родители, зная, как я ненавижу детсад, снова оставили меня там. В три годика мне повезло – мама забеременела моим младшим братом, и, пользуясь тем, что ей теперь не нужно ходить на работу, я радостно забросила детский сад. После выхода из декрета мама стала все чаще брать меня с собой в институт, где преподавала химию. Вот там мне нравилось. Студенты со мной общались, лаборанты играли, преподаватели во время «окон» водили в столовую и институтский музей. Это была настоящая жизнь. А детский сад навсегда остался в памяти синонимом страха и ужаса. До сих пор не переношу организаций, в которых человек, не важно, большой или маленький, становится всего лишь объектом. Детский дом по своему укладу, по самой структуре – худшее из подобных учрежде-

ний. Там все прописано и продумано так, что ребенку остается только подчиняться. Нет значимого взрослого, ни с кем не возникает прочной привязанности, а вот воля, самостоятельность и собственные желания подавляются очень быстро. Семейный ребенок всегда может рассчитывать на понимание и защиту родителей, а сирота без мамы и папы со своими «капризами» не нужен никому. Он обязан быть абсолютно безволен, удобен в обращении, в противном случае система автоматически будет его ломать.

Первое столкновение с детским домом произошло в нашей семье в 2006 году. Мы с Денисом в компании моих коллег приехали туда как волонтеры на генеральную уборку. Детей на этот день куда-то увезли. Мы помыли окна, полы, стены, привели в порядок участок. Закончилось мероприятие пикником во дворе, на котором присутствовали несколько человек из администрации учреждения. Мы с мужем постарались войти в доверие к директору, сказали, что хотели бы и дальше помогать. А примерно через полгода общения – что-то купить, привезти, починить – признались, что планируем усыновить одного или двух детей. «По благу» нас с мужем провели в группы. Из многих детей мы оба почему-то сразу признали «своей» пятилетнюю девочку Дашу. Договорились с директором о встрече с ней и в следующий раз приехали уже для знакомства.

Момент первой встречи с ребенком – это всегда волнительно. Я боялась сделать или сказать что-то не то, напугать, разочаровать. Хотя Даша оказалась общительной девочкой, непугливой. Было такое ощущение, что новые люди для нее вовсе не редкость. Скорее всего взрослых, которые мелькали перед глазами, появлялись и потом пропадали, в жизни ребенка хватало. Мы поиграли, полистали книжку с картинками, и тут воспитательница, не дожидаясь, когда Даша вернется в группу, задала нам вопрос: «И чего вы хотите? К Даше уже ходят. На выходные берут домой». Об этом нас никто не предупредил. Да и возраст у девочки был еще слишком маленький для гостевого общения. Пять лет – не десять и не пятнадцать, ребенок еще не в состоянии понять, почему каждый раз его возвращают из дома в учреждение, словно отказываются снова и снова. «Вообще-то мы хотели удочерить», – ответила я. «У нее уже есть семья. А про гепатит вы тоже не знаете? Свой ребенок же у вас есть. Заразится!» Я что-то пролепетала про лечение, про меры предосторожности. Мы еще немного поиграли с Дашей, а потом пошли к директору. Но у нас на руках не было заключения о возможности быть усыновителями, мы только начали собирать документы, поэтому ни медицинских карт, ни других бумаг показать нам не могли. В итоге мы просто испугались. И гепатита, о котором тогда ничего еще толком не знали, и существующей у ребенка привязанности – а вдруг сделаем хуже, навредим? Жаль, в те годы не было школ приемных родителей, и мы по незнанию совершили большую ошибку: бросились с места в карьер. Кроме желания помочь ребенку вырасти, у нас не было ничего. Ни знаний, ни подготовки, ни опыта общения с усыновителями или приемными родителями, ни даже пройденных медицинских и прочих комиссий. За плечами был один-единственный визит в опеку по месту жительства, который не внушал никаких надежд.

Начался разговор со специалистом опеки с вопроса: «А у самих что, никак не получается?» Мы с мужем даже не сразу поняли, о чем речь. «Забеременеть сколько лет уже не можете?» Сотрудница страшно удивилась, когда узнала, что не в этом дело и что кровная дочка у нас уже есть. Если примем такое решение, родим еще. Нам посоветовали заняться именно этим и не морочить людям голову. Поскольку мы все же пытались гнуть свою линию, дальше была лекция о «страшных болезнях» и «дурной наследственности» детей-сирот, а в конце: «Мое дело предупредить. Хотите – идите, собирайте бумаги. Только время зря потеряете».

В общем, наша первая попытка усыновить ребенка так ни к чему не привела. Мы просто были не готовы. Нужно было еще о многом подумать, многое узнать. С мифами о «дурных генах» и «страшных болезнях» тоже пришлось разбираться самостоятельно. Постепенно выяснили, что у подавляющего большинства детей в детских домах и домах ребенка стоит «задержка психического развития». Разобрались, откуда это берется. Оказалось, все очень просто – если младенец лишен привязанности, лежит туго запеленатый все время, его не берут на руки, не выкладывают на животик, не купают в ванной, очень скоро по своим умениям он будет сильно отличаться от малыша, растущего на маминых руках. Депривация в учреждении успешно делает свое дело. И можно спокойно ставить «умственную отсталость», «олигофрению в степени дебильности» и другие диагнозы. Ребенок старшего возраста находится в детском доме в постоянном стрессе, он занят выживанием, поэтому не может сосредоточиться на учебе, на своем развитии и, естественно, отстает. А педагогическая запущенность, в свою очередь, тоже нередко превращается в диагноз. В семье, при индивидуальном внимании к развитию ребенка, и ЗПР, и УО нередко удается снять. Что касается других заболеваний, генетических в том числе, они не реже встречаются и у «домашних» детей. Вопрос здесь только в компетенции и ресурсах родителей. По поводу «дурных генов» мы тоже со временем пришли к простым выводам. В формировании генетического кода нового человека участвуют не только мама-папа, но и бесчисленные родственники с обеих сторон. Предугадать, какая именно информация ляжет в основу личности, невозможно. Гарантировать, что есть семьи, в которых

никогда не было алкоголиков, а были сплошь академики, тоже нельзя. Значит, еще большой вопрос, что намешано в каждом из нас.

В 2012 году, после того как был принят «закон Димы Яковлева», мы с мужем наконец «дозрели» и записались в школу приемных родителей. Тот период нашей жизни подробно описан в моей книге «Если б не было тебя». Там и о месяцах учебы, и о сомнениях, и о знакомстве с новыми людьми, и о встрече с ребенком. После курса ШПР, где мы постоянно слышали о том, что «все закладывается до трех лет», решили, что, наверное, нужно усыновлять ребенка помладше. Лет до пяти. И столкнулись с забавной ситуацией – большинство сотрудников органов опеки отвечали на наш запрос коротко и ясно – «детей нет». Там, где удавалось пообщаться, нам объясняли, что в детских домах в основном подростки, и закрывали тему. В Москве мы так и не получили ни одного направления на знакомство с ребенком, поэтому решили поехать в родные края. Объездили несколько городов и поселков, оставили везде копии заключения о возможности быть усыновителями. И спустя месяц, когда уже вернулись в Москву, нам позвонили. Предложили немедленно прилететь, чтобы познакомиться с девочкой. Маленькой Даше, нашей землячке, было всего два месяца.

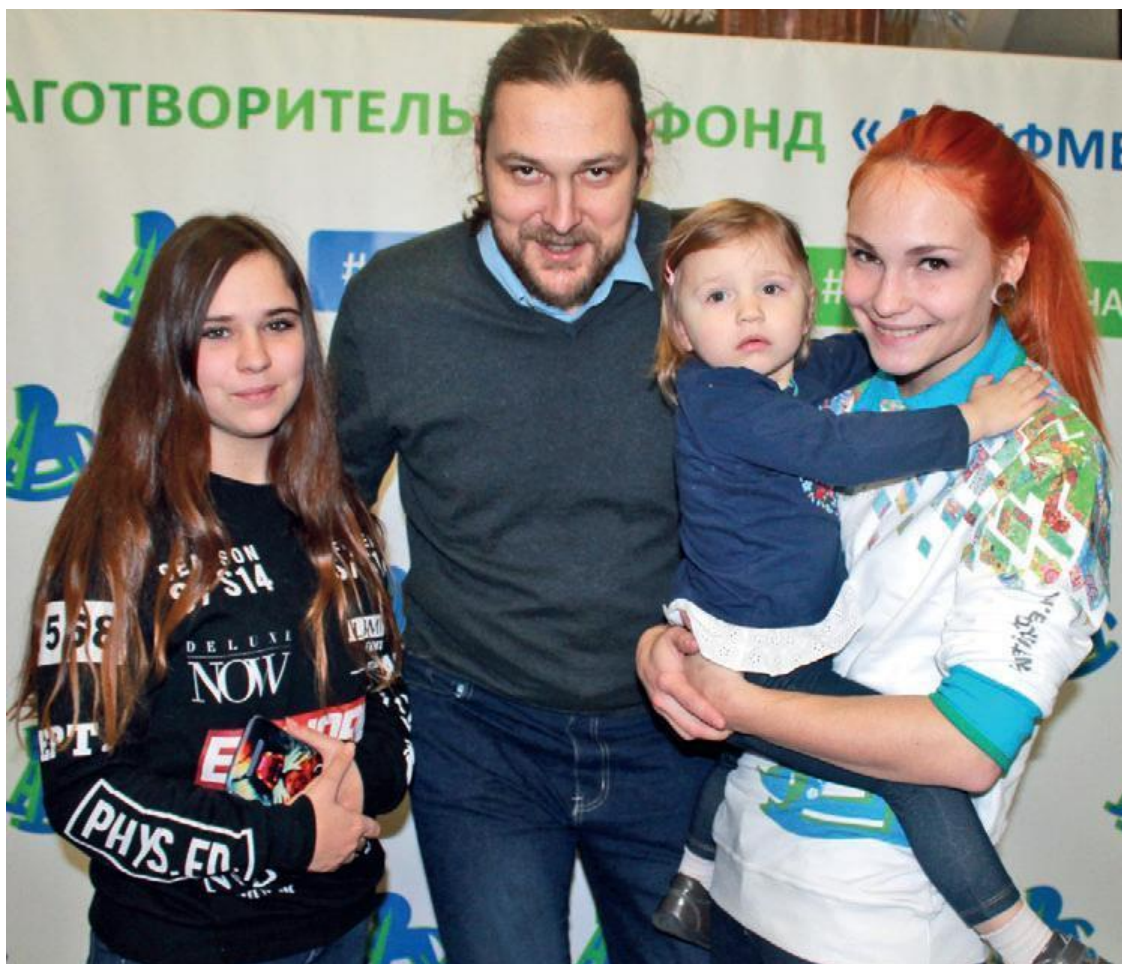

В тот же вечер мы купили билеты на всю семью и полетели. При первой встрече с будущей дочкой ни у меня, ни у мужа никакой моментальной любви не случилось. Перед нами была крошечная девочка с круглым личиком и опухшими веками, совершенно на нас непохожая. По медицинской части хватало разных вопросов. Из кровных родителей известна была только мама, на месте папы в свидетельстве о рождении стоял прочерк. Нам рассказали, что у мамы уже довольно давно проблемы с алкоголем, Даша ее пятый ребенок, и ни одного она не смогла воспитывать сама – все дети в приемных семьях. Я никак не могла понять, есть у ребенка фетальный алкогольный синдром или мне просто мерещатся некоторые его признаки. Врачи, к которым мы поехали для независимого обследования, тоже ясности не внесли: «Никто не знает, как и что проявится в будущем. Кот в мешке». Сомнения разрешила Нэлл, сказала: «Да классная же девчонка, моя сестренка! Берем и бежим». Так мы и сделали. За что я невероятно благодарна старшей дочери. Кстати, мы никогда не скрывали от нее своих намерений усыновить. Нэлле было 7 лет, когда она впервые услышала о детских домах, детях без родителей. Тогда она сама и предложила: «Давайте всех заберем». Постоянно торопила нас с Денисом, спрашивала, когда же мы перейдем от разговоров к делу. Ей оказалось гораздо легче, чем нам, взрослым, принять идею усыновления. Ребенка не волновали вопросы генетики, наследственности, возможного несовпадения характеров, неизбежных изменений в жизни, ресурсов семьи. Она была любопытна и открыта всему новому. Для нашей дочери, к счастью, оказалось совершенно естественным делиться с другими детьми своими родителями, друзьями, домом и

благополучием. Нэлла до сих пор всегда поддерживает нас с мужем в этом вопросе и говорит, что каждый новый ребенок в семье – это интересная и пока не прочитанная книга.

Одним словом, мы подписали согласие на удочерение Даши, и нас отправили в Москву за недостающими документами для суда. Прежде чем улететь, мы попытались разыскать кровную маму Даши. Для себя должны были убедиться, что ситуация и правда безнадежна, что даже при помощи со стороны, которую мы могли оказать, она не сумеет воспитывать своих детей сама. Кроме того, хотели собрать хотя бы минимальную информацию – понимали, что, когда Даша подрастет, она обязательно задаст нам вопрос о своих кровных родителях. К сожалению, встретиться нам не удалось. По адресу, где мама Даши была прописана, никто не знал, где ее искать. У нас остались в итоге только ее фамилия-имя-отчество, дата рождения и тот самый адрес.

17 сентября 2013-го состоялся суд – этот день стал одним из самых важных в жизни нашей семьи. Сразу после заседания суда мы забрали Дашу, сели в поезд и поехали домой, в Москву. Так у нас и появилась потрясающая младшая дочка. Теперь отмечаем эту дату как семейный праздник, второй день рождения Даши.

С приходом маленького ребенка в семью моя жизнь перевернулась с ног на голову. За 14 лет я успела забыть, как общаться с младенцами, не спать ночами, переживать насморки и колики, радоваться и огорчаться простым вещам (покушали и наоборот), а главное – безраздельно принадлежать ребенку. Пришлось отложить все дела, включая новую книгу, которую я уже начала писать. Полгода после появления Даши занималась только ею. За первые 4 недели дома удалось многому научиться: Даша стала держать головку, пить из чайной ложечки, гулить, проситься на ручки, стала кричать и требовать своего, хотя поначалу вообще не обнаруживала никакого голоса. Все вопросы, которые были связаны со здоровьем, мы постепенно снимали – делали массажи, корректировали питание, уход, наблюдались у специалистов. Первый год, нужно сказать, был волнительным. Постоянно мучили сомнения – научится ли дочка переворачиваться, ползать, встанет ли на ноги, сможет ли ходить? К счастью, все удалось. И каждый маленький шаг вперед приносит громадную радость. Даша невероятно сообразительная, лучше всех знает, что и где в доме лежит, любит помогать по дому – то она с тряпкой, то посуду пытается мыть, то пылесосить. Я стараюсь поощрять ее природное любопытство и желание помочь. Раньше сама не подозревала, какое это счастье – наблюдать за развитием маленького ребенка. Когда Нэлла была маленькой, мы как родители были еще совсем «зеленые», почти не умели наслаждаться общением с младенцем, да и материальные проблемы выбивали из колеи. С Дашей уже все иначе – нам как будто подарили вторую юность, только уже осознанную, зрелую. А любовь, о которой поначалу не было речи, постепенно пришла и стала невероятно сильной, крепкой. Сегодня я лично не представляю себе жизни без Даши, считаю ее абсолютно «своей», а временами совершенно забываю о том, что не сама ее родила.

Когда Даша немного подросла и у меня стало появляться свободное время, я наконец дописала книгу «Если б не было тебя». Мы с редактором Ольгой Аминовой долго мучились с обложкой – никак не могли найти подходящую фотографию или рисунок на тему усыновления. Тогда Ольга предложила обратиться к известному фотографу Елене Мартынюк, и благодаря ей на обложке появились мы с маленькой Дашей. Пока книга готовилась к изданию, мне в голову пришла мысль выпустить еще и специальный подарочный тираж для потенциальных усыновителей и передать его в школы приемных родителей. Впервые в жизни я занялась краудфандингом, благодаря которому познакомилась со многими замечательными людьми. И тираж в подарок будущим приемным родителям удалось выпустить, и новые мысли возникли о том, как дальше продвигать идеи усыновления, и множество единомышленников нашлось. Некоторые из них сегодня – близкие друзья нашей семьи.

3 декабря 2014 года в Доме журналистов прошла презентация книги. Выступили известные усыновители – Роман Авдеев, Михаил Барцевский, Кристина Беленькая. Их долго не отпускали со сцены: и у гостей вечера, и у журналистов было немало вопросов. Мне всегда казалось, что в нашей стране довольно много людей, которые не исключают для себя идеи усыновления, просто боятся, как и мы сами когда-то, сделать первый шаг. Им страшно не справиться. В тот день я окончательно убедилась: тем, кто задумывается о принятии ребенка, но не может решиться, просто нужно помочь. Организовать постоянное общение между состоявшимися и потенциальными приемными родителями. Обеспечить личные встречи, обмен опытом, беседы. Тогда и укрепилась идея клуба «Азбука приемной семьи», о которой я в тот же вечер и рассказала со сцены. Дальше образовался оргкомитет из активных приемных мам, и наш клуб стал одной из программ фонда «Арифметика добра», основанного Романом Авдеевым. В свое время именно личное общение с Романом Ивановичем стало для меня недостающим звеном в решении принять ребенка в семью. Во время интервью для книги «Главные правила жизни» я позволила себе отклониться от темы и задала отцу семнадцати усыновленных детей все мучившие меня на тот момент вопросы. Получила очень точные глубокие ответы, которые

весили для меня гораздо больше, чем бесконечные опасения и предостережения огромного количества людей без опыта приемного родительства. Об этом тоже есть в книге.

Клуб начал организовывать лекции-дискуссии на актуальные для родителей темы, приглашать экспертов из области психологии, медицины, генетики. Мы стали собираться вместе с детьми на праздники, представления и экскурсии. Чуть позже возник еще один формат мероприятий – знакомство потенциальных родителей с детьми из детских домов. С начала 2016 года проводим еженедельные встречи приемных родителей – общаемся, делимся опытом. Все это помогает справляться с трудностями и заряжает уверенностью. Когда забираешь из системы одного ребенка, чувствуешь себя предателем по отношению к тысячам других – они-то остались там и по-прежнему никому не нужны. Понятно, что ни одна семья не в состоянии решить проблему социального сиротства в стране. Но все вместе мы уже кое-то можем. Важно вовлекать новые семьи, формировать круг единомышленников, поддерживать друг друга и быть открытым примером для тех, кто пока еще не решился. Вступить в клуб очень просто – достаточно прислать мне свои контакты и небольшое описание семьи (мой телефон и электронная почта есть на сайте «Арифметика добра»), в ответ начнут приходить приглашения на мероприятия клуба. Сейчас в клубе около 500 семей – состоявшихся и потенциальных приемных родителей. За первый год жизни клуба в наши семьи пришли 53 ребенка из детских домов.

Наша собственная семья тоже не осталась в стороне. Постепенно мы с мужем пришли к выводу, что можем попытаться помочь и тем детям, у которых не так много шансов найти семью, как у малышек. Подросткам. И познакомились с Дашей. Ей было почти тринадцать лет. Сначала, совершенно случайно, я увидела в Интернете видеоролик о ней. Потом мы договорились о личной встрече. Даша оказалась очень живой, общительной девочкой. В ней, как мне показалось с первого взгляда, был заложен огромный потенциал, которым она пока не пользова-

лась. Даша жила в детском доме с девяти лет, с того момента, когда ее мама попала в тюрьму. День разлуки стал для ребенка катастрофой. Любовь и привязанность у них очень сильная. Контакт с мамой Даша продолжает поддерживать – они переписываются, созваниваются. Даже лишит маму родительских прав дочка в свое время не дала – сама написала заявление в суд о том, что поддерживает с мамой отношения и вернется к ней сразу же, как только истечет срок наказания. Приемную семью Даша начала искать только потому, что невыносимо устала от детского дома. И то поначалу речь шла лишь о гостевом режиме. Мы с Денисом подумали, что, если ребенку нужны поддержка, семейное тепло и общение, мы можем это дать. Была надежда, что чувство защищенности поможет Даше успокоиться и переключиться с режима «выживание» на программу «развитие». Нэлла нас поддержала. Мы стали забирать Дашу домой каждые выходные: я приезжала за ней в детский дом в пятницу вечером и привозила обратно в воскресенье вечером. Из совместных выходных мы намеренно не делали праздников. Проводили время как обычно – готовили, убирались, ходили в магазин, делали уроки, гуляли. Я уже знала к тому времени, что подростки из детских домов часто воспринимают гостевой режим как возможность получить что-то материальное от взрослых: подарки, праздники, развлечения, рестораны. У большинства детей-сирот, к сожалению, не сформировано иной схемы отношений «взрослый – ребенок». Только потребительская. Они вырастают с опасной позицией «я несчастный сирота, мне все должны». Тем временем подросток должен понять, что отношения между людьми сами по себе намного важнее и дороже денег, что взрослые могут стать надежной опорой в жизни, что они готовы защитить, окружить теплом и помочь в любой ситуации. Но становиться просто банкоматом или кошельком ни в коем случае не должны. Ложные установки – эти и многие другие – успели за четыре года жизни в детском доме сформироваться и у Дашы. Было непросто пытаться их менять, но мы решили, что дорогу осилит идущий.

Прошло три месяца гостевого общения, и в одно из воскресений, когда я везла Дашу обратно в детдом, она сказала, что больше не хочет и не может там жить. До освобождения кровной мамы оставалось чуть больше полутора лет. Мы решили, что лучше Даша проведет их в семье, чем в учреждении. Я специально поехала к директору детского дома, хотела посоветоваться, как правильно поступить. Замечательный человек с огромным опытом работы, он сказал, что, к сожалению, нередко родителям после таких драматичных поворотов судьбы не удается восстановиться настолько, чтобы забрать из детского дома и содержать детей. В принципе прогнозировать что-либо сложно. Бывает, мамы и папы выходят из тюрьмы и возвращаются к прежнему образу жизни, навещают детей раз в полгода, обещают забрать. Дети ждут, но ничего не происходит. В общем, оставлять Дашу в детском доме не было смысла. Внутри семьи мы согласовали, что, если она захочет вернуться к кровной маме и это будет возможно, мы поддержим ее решение и будем помогать.

28 марта 2015 года в детском доме был День аиста. Так случайно совпало, что именно в этот день я забрала Дашу домой. Накануне она с компанией ребят ввязалась в неприятную историю. Обстановка в связи с этим была в детском доме нервной, но нам все-таки пошли навстречу – оформили необходимые бумаги и отпустили Дашу домой, за что я очень благодарна администрации.

Так у нас стало две дочки Даши. Младшую мы в семье называем Дасик, старшую – Даша или Даша Большая. Не буду лукавить – адаптация у нас проходит довольно трудно. Но интересно. И есть некоторые удачи. К счастью, Даше удалось встроиться в коллектив новой школы, хотя она панически боялась туда идти. Проблемы с учебой, конечно, никуда не делись, но мы не торопились – было важно, чтобы она почувствовала себя комфортно, смогла наладить с детьми и учителями контакт. Поначалу многие родители, узнав о приходе «новенькой», переполошились – начали звонить директору, выяснять, что это за «детдомовский ребенок» появился в их классе. К счастью, у нас замечательный классный руководитель – после личной встречи с ней удалось сгладить все углы. Ирина Анатольевна нашла подход и к самой Даше, которая из-за резких перепадов настроения и демонстративной позиции «что хочу, то и делаю» нередко досаждала учителям. Летом, пока мы два месяца жили на море, Даша немного подтянула математику, русский язык, английский. Занималась, конечно, неохотно, «со скрипом». До сих пор огромное нежелание учиться, которое происходит от страха, что у нее ничего не получится, и от несформированной привязанности к нам, осложняет жизнь. Но я верю, что постепенно это можно будет исправить. К счастью, есть увлечения, которые помогают. Даша с удовольствием ходит на танцы. Осенью занималась в Московской школе радио, куда ее пригласил известный радиоведущий Александр Ветров, за что ему огромное спасибо. Был у нас счастливый период, когда Даша, казалось, уже прижилась, адаптировалась и говорила, что скорее всего останется жить с нами, а с мамой будет общаться по выходным. Мы с радостью поддерживали такое решение. Но потом ситуация резко осложнилась. Боюсь, сегодня Даша разрывается между двух огней, и это очень сильно отражается на жизни нашей семьи. Пока или, того хуже, если не сформируется привязанность, будет очень нелегко. Внешних же причин нестабильности и нового витка адаптации, думаю, как минимум три. Во-первых, недавно умерла бабушка

Даши, и она тяжело перенесла эту потерю. Мы с ней были на похоронах, общались там с большим количеством родственников и, к сожалению, узнали немало болезненных подробностей о семье. Во-вторых, недавно из тюрьмы вышел старший брат Даши, за которого она сильно переживает. И третье – в нашей семье появился еще один ребенок.

Пока в течение трех месяцев я приезжала за Дашей в детский дом, успела познакомиться там еще с одним подростком, Гошей. Точнее, это он проявил инициативу и в один из дней сам подошел к нам с Дашей. Сказал, что прочел мою книгу об усыновлении, чем немало меня удивил – подростки в детских домах читают еще реже, чем их «домашние» сверстники. Оказалось, что Гоша пишет стихи, я предложила общаться в социальной сети, мы обменялись контактами. Для ребенка, который всю жизнь с рождения провел в детском доме, Гоша оказался на редкость коммуникабельным и доброжелательным молодым человеком. О его истории ему самому известно не слишком много – отец умер за несколько месяцев до его рождения, а мама написала отказ. В семье к тому времени уже было два старших ребенка. Искать кровную семью Гоша пока сам не хочет.

Когда большая Даша стала частью нашей семьи, Гоша начал приезжать в гости по выходным. Ему было тогда почти 16, и его отпускали из детского дома одного – он просто писал расписку, что поехал туда-то, вернется во столько-то. Воспитатели всегда звонили мне, убеждались в том, что он успешно добрался до места, и просили проследить, чтобы вовремя выехал назад.

У Даши в тот период адаптация была в самом разгаре, собственно, как и ревность. О том, чтобы 16-летний Гоша стал ее братом, она даже слышать не хотела и начинала демонстративно хлопать дверями, когда он появлялся в доме. В общем, с Гошей мы продолжали общаться, учились помогать по хозяйству, обменивались рассуждениями о жизни, но как быть дальше, я не знала. С одной стороны, теоретически мы могли бы его принять, а с другой – сочетание двух непокорных девиц сложного возраста с молодым человеком, тоже весьма изобретательным на разные фокусы, могло в два счета порушить нашу семью. Я решила, что не буду торопить события и пока останусь для Гоши просто наставником – человеком, который поддержит, подскажет, придет на помощь. К концу весны стало ясно, что девятый класс он не окончит – к ГИА его не допустили за пропуски и плохую успеваемость. На базе восьмого можно было пойти учиться только на повара, чего он категорически не хотел. Я начала искать училище, которое приняло бы его на коммерческой основе, на желаемую в тот момент специальность – парикмахера. Мы готовы были оплачивать его обучение. Параллельно, чтобы отвлечь подростка от неконструктивных идей, я предложила Гоше писать книгу о его детдомовской жизни. Не сразу, но он увлекся этой идеей. И все больше времени стал проводить с нами. Приходил уже не только домой, но и на все мероприятия клуба – помогал в качестве волонтера. В общем, Гоша стал важной частью нашей жизни, а мы его.

Приближалось лето, Гошу определили в лагерь от детского дома, но не на море, как он надеялся, а в Подмосковье. И мы решили, что надо будет хотя бы на пару недель официально забрать его в гости, чтобы лучше во всем разобраться, понять, сможем ли мы справиться. Документы на гостевой режим у нас были еще в силе, оставалось только оформить все в детском доме. Однако ситуация разрешилась стремительно – нашлась семья, которая приняла Гошу. Встреча случилась в последних числах мая, а в июле подросток уже был в семье. К сожалению, мы с ним прекратили общаться. А через четыре месяца выяснилось, что Гоша возвращается в детский дом. Из всех объяснений, почему, более-менее внятным было только одно – «это не мои люди». Из семьи опекуна Гоша должен был попасть в приют и потом снова в детский дом. Мы с Денисом обновили документы, за несколько дней прошли медицину и успели забрать Гошу в свою семью. Сложно сказать, как все сложится дальше – прошло слишком мало времени. Но пока все неплохо. Гоша на этот раз настроен серьезно и в плане своего будущего, и в смысле учебы. Собирается сдать ГИА. Его теперь интересует другая специальность, которая потребует больших знаний. Мы максимально помогаем. Дай бог, чтобы не пропали радость общения, взаимное уважение и интерес, которые сейчас у нас есть. При желании Гоши встать на ноги и найти себя в жизни это должно получиться. Тем более когда есть поддержка семьи.

В подростковом возрасте человек занят определением себя и выбором жизненного пути. Какая судьба его ждет, нередко зависит от жизненных обстоятельств, окружающей среды и близких людей. Если у ребенка есть благополучная семья, где каждый трудится, все уважают и любят друг друга, он может многое для себя пересмотреть. Даже просто наставник – значимый взрослый, который поддерживает и направляет в жизни, хотя и не может принять в семью, – для подростка играет громадную роль. Мне искренне жаль, что дети старшего возраста не так

часто находят наставников и семьи, как хотелось бы. Ведь в каждом из них пока еще не раскрыт лучший потенциал.

Не сомневаюсь, что все дети, вне зависимости от возраста и индивидуальных особенностей, должны и могут жить в семьях – обычных или профессиональных. К счастью, тому все больше и больше примеров из жизни, о которых хочется рассказать. Что мы и делаем в надежде, что когда-нибудь в нашем обществе станет нормой для каждой благополучной семьи принять ребенка и помочь ему вырасти.

Семья Торопцевых

Привет, папа!

Ксения Торопцева, маркетолог, мама троих детей, двое из которых приемные.

Мысль об усыновлении у меня уже была, когда мы с мужем еще только начали встречаться – я ему сразу сказала, что хочу и своих детей, и приемных. Сам он не то чтобы горел желанием кого-то усыновлять, но и не возражал. Должна сказать, что мне очень повезло с супругом – никакие мои идеи он никогда не отрицает сразу.

Мы прожили в браке 1,5 года (до этого еще 1,5 жили вместе), и потом у нас родился Костя. Когда Косте исполнилось два годика, я стала присматриваться к детским домам. Неподалеку от нас есть Дом ребенка, и я начала туда ездить как волонтер – привозить памперсы, салфеточки, шампуни. Первое время даже не просила пустить меня к детям, но потом увиделась с ними, и произошло это совершенно случайно. Мне позвонила заместитель главврача и сказала, что хотела бы со мной познакомиться лично. Она сама меня встретила, показала в Доме ребенка вообще все, что только можно было: все комнаты развивающие, все группы, в которых жили детки. Забегая вперед, скажу, что сейчас в этом Доме ребенка я председатель попечительского совета. Хотя у нас в совете люди очень солидные, из серьезных компаний, они выбрали меня по причине моей молодости. В общем, в тот раз, когда меня пригласила заведующая, я впервые увидела самих деток в Доме ребенка. До этого никогда в жизни лицом к лицу не сталкивалась с теми, кто растет без родителей. Там были и очень тяжелые инвалиды, в основном с синдромом Дауна, а еще лежачие. Потом меня завели в отделение к новорожденным, где и здоровые детки были. Только один из них с гидроцефалией. Для меня это стало самым сильным эмоциональным потрясением. При встрече с детьми я чуть по стене вниз не сползла. И именно в тот день окончательно поняла, что мне нужен ребенок из детского дома, что я должна кого-то спасти, кому-то помочь. Я просто стояла, смотрела на детей и чувствовала, как разрывается сердце. Впервые увидела все, о чем нам потом рассказывали в школе приемных родителей. Глаза детей... В них было невыносимое горе, чудовищная боль из-за предательства. Забыть такое никогда в жизни нельзя.

И с того момента все закрутилось. Я даже мужу ничего толком не говорила, просто пошла и записала нас в школу приемных родителей. После этого уже Диме сообщила, что скоро мы начнем учиться в ШПР и надо явиться на собеседование. Мы пришли, поговорили с психологом. Дима тогда отвечал очень сухо, он не был готов. Его готовность появилась уже после ШПР, когда мы с ним все фильмы пересмотрели, все книги перечитали. Он все это впитывал, впитывал, а потом в один прекрасный день выдал: «Все, берем!» Изначально мы хотели взять Косте братика, чтобы детям вместе было весело. А потом все эти наивные мысли растворились. Нас очень хорошо подготовили Лена с Ирой в этом плане. В ШПР при центре социальной помощи семье и детям «Берегиня» мы даже проигрывали ситуацию. И как-то все встало на свои места.

Пока учились, параллельно смотрели анкеты и видео детей на сайте одного известного фонда. Также продолжала ездить в Дом ребенка. Тому мальчику с гидроцефалией готова была профинансировать лечение, но его, слава богу, забрали в семью. Малышей мы с мужем не выбирали, просто смотрели на тех, кто «цеплял» взгляд, и все. Мне понравился один мальчик из Кемеровской области, у него были ВИЧ и гепатит С. Я-то была готова к любым диагнозам, уже общалась с ВИЧ-положительными детками и ездила к приемной маме, которая детей с такими диагнозами усыновила. Но муж пока не мог с этим смириться. И все же я его пилила, пилила, и в итоге он согласился. И вот когда нужно было лететь к ребенку, его забрала кровная бабушка. До этого (еще до ШПР) похожая ситуация сложилась с еще одним малышом и еще. Я уже начала думать, что, наверное, всех, кто мне нравится, немедленно забирают. Так и получалось. Нужно сказать, что одновременно с мальчиком из Кемеровской области я увидела на сайте нашего Сережу, он был из той же Кемеровской области. Ему было 5 лет. Показала Диме его фотографию, и он говорит: «О, вот этот очкарик мне нравится!» Я позвонила в опеку, но со мной даже разговаривать не стали – сказали, пока заключение не дадите, никакой информации не будет. А заключение нам еще предстояло ждать до января. Тогда я связалась с директором того детского дома, где был Сережа, и еще пообщалась с логопедом, который его вел. Таким образом, всю информацию и получила. Мне сказали, что у Сережи большие проблемы с развитием, что это далеко не здоровый ребенок, в том числе и в плане психики, что у ребенка расстройство личности и в лучшем случае его ждут коррекционные учреждения. Когда разговаривала с логопедом, спросила: «А Сережей вообще кто-нибудь интересуется?» И

она ответила, что им никто никогда не интересовался. Этот ребенок никогда никого не ждал и ни на что не надеялся – он даже не реагировал, когда к кому-то приходили родители.

Когда я получила в январе заключение, то сразу позвонила в опеку, и мне сказали: «Да вы что?! Этого ребенка ждет коррекционное учреждение в лучшем случае. Он шестипалый, с пороком сердца, непонятно, что у него с руками, что с головой. Сифилис пережил внутриутробно». Я им ответила, что я волонтер в психоневрологическом интернате уже больше года и поэтому вряд ли что-то новое увижу, поэтому все равно приеду и познакомлюсь. Это было сумасшедшее путешествие. Сережа жил в Доме малютки маленького городка Кемеровской области. Я оказалась в командировке сначала в Новосибирске, потом в Кемерове, потом в Новокузнецке, а оттуда уже поехала в городок, где находился Дом ребенка. Мы приехали, опека выдала мне направление на знакомство, и вот я приезжаю в Дом ребенка, и там ко мне заводят парня – совершенно другого ребенка, а не того Сережу, который был на сайте. На видео он был очень красивый, в очках, в рубашечке, какой-то человеческий, нормально выглядевший ребенок. А тут заходит мальчик в два раза меньше, чем я думала, очень худой, с прозрачной кожей, почти лысенький, без очков, и видно, что недоразвитие глазок. Вес у него был 12 килограммов, это норма для двухлетнего ребенка. Он весь был в синяках, весь в герпесе, из глаз текло. И вот Сережа заходит, тут же уверенным шагом идет прямо ко мне и протягивает руки: «Бери меня!» Я его автоматически беру, сажаю к себе на колени, даю книгу. Он ее открывает и начинает мне выдавать все, что знает. Видимо, он сразу увидел во мне свой последний шанс и уцепился. Рассказывает: «Это лисичка, это зайчик, это тот-то... Это бидон». Я, когда услышала слово «бидон», невероятно обрадовалась! Поворачиваюсь к воспитателю и говорю: «Почему же вы сказали, что ребенок не говорит?» А она: «Что это, говорит, что ли?» Прошло всего две минуты нашего общения, и я им: «Давайте согласие! Я подпишу». Они такие: глазами – хлоп-хлоп, ушам своим не верят. Я говорю: «А что тут думать-то?»

Как только я появилась в его жизни, Сережа очень активно стал на все реагировать. У него желание сумасшедшее появилось вырваться из Дома ребенка. Когда мы во второй раз увиделись, я снова к нему приехала, он меня первым делом повел на улицу и к калитке. Всем своим видом показывал: «Все, пошли отсюда!» Но так быстро не получилось, мне сказали, что будут целый месяц делать ему медицинские документы. Я тогда не знала, что можно от этого отказаться, а потому была вынуждена улететь и ждать. Оставила Сереже альбом наших фотографий, он по ним познакомился с Димой, с Костей, с нашими собаками. Домой я привезла фотографии Сережи. Дима на них посмотрел и глазам не поверил: «Ты же сказала, что он почти здоров». И потом еще какое-то время никак не мог Сережку к нашей семье причислить, не упоминал его в разговорах. А вот Костя был готов заранее и очень Сережу ждал: «Ну, когда уже он приедет? Я ему буду бокс показывать. Буду плавать учить». Дима же осознал происходящее уже ближе к делу, когда сам увидел Сережу. Он подошел к нему, сел: «Ну, я папа, привет!» И Сережа сразу ответил: «Привет, папа!» «Мамой» и «папой» он нас сразу стал называть. У него ведь не было выбора. И очень изменился после первой же встречи. Логопед потом рассказывала, что, когда я улетела, а к другим детям пришли приемные родители, у Сережи началась истерика: «Где моя мама?» Они от Сережи такого просто не ожидали! Он раньше никак не проявлял своих эмоций, у меня даже один из первых вопросов был: «А он когда-нибудь смеется, как ребенок?» Сережа никогда не смеялся. Он улыбался, но это была очень странная улыбка, и он до сих пор очень серьезный. Может истерически закатываться, это бывает, но искреннего смеха нет. Он пока еще не отошел от прошлой жизни.

Сережа в Доме ребенка с самого рождения. Мать ушла в день родов и даже отказа не написала, ничего. При ней не было никаких документов, но она себя назвала, и врачи ее фамилию-имя-отчество со слов записали. Фамилию эту дали ребенку, а имя и отчество просто придумали. Мне сказали, как ее зовут, и я нашла эту женщину в соцсетях. В том регионе одна-единственная такая девушка. И если это она, то у Сережи есть брат с сестрой и еще бабушка. Они, судя по соцсетям, все вместе живут. В целом у Сережи все диагнозы стоят правильные, хотя их, конечно, немного приукрасили. Шестипальцевость давно успешно прооперирована. Порок сердца у него такой, который не надо оперировать, он сам по себе проходит с возрастом. Просто надо наблюдаться у кардиолога, и все. А вот с самым сложным и бросающимся в глаза – с руками – никакого диагноза толком ему не поставили. У Сережи руки развернуты в обратную сторону, и на рентгеновских снимках видно, что обе кости перекручены крестом. Мы пойдем с Сережей в ЦИТО, возможно, придется делать операцию – переламывать и заново сращивать, чтобы стало правильно. ЗПР у него, разумеется, есть, но за первые два месяца в семье произошел колоссальный прогресс. И Дима теперь стал спокойнее относиться, потому что он видит, как на глазах происходит чудо. Сережа говорит без усталости. Фразовая речь началась примерно через 2–3 недели домашней жизни. Очень в этом плане помог Костя, он сработал как логопед. Хотя сам младше Сережи на два года, ему только три. Но он заставляет брата говорить постоянно – скажи то... скажи это... и Сережа повторяет. И в целом Костя у нас наставник. Они живут в одной комнате, спят на двухъярусной кровати: Костя на втором ярусе спит, а Сережа на первом. Но иногда утром я Сережу нахожу на втором. В общем, мальчики хорошо поладили. Сережа начал оттаивать, уже сам просит: «Обними, поцелуй». Я его глажу постоянно, а иногда он сам берет мою руку и начинает себя гладить. Такое удовольствие от этого получает, что передать словами невозможно. Залезет на колени, обнимет и может сидеть так практически бесконечно. В храм мы с ним вместе ходим, ему нравится, и там он тоже все время у меня на руках.

Отдельная история – это детдомовский запах. Первые дни Сережа так сильно пах детдомом, что Дима говорил «надо маску надевать». Сейчас этого уже практически нет. Если и появляется, то редко. Каждый день купаемся, массажи делаем с ароматным маслом. Глаза проверили, у него они недоразвиты, и череп недоразвит. В общем, много чего надо налаживать. Ходим в бассейн, и Сережа научился хоть как-то расслабляться – может теперь даже лежать в воде. А то был такой гипертонус, что ни одной мышцы разжать не получалось, как деревянный. Страх воды у нас теперь нет, хотя раньше стоило включить душ, и все, катастрофа. Он начинал орать, как дикий зверь. Дома в принципе всего боялся, особенно собак. Мы приехали, и в первый вечер я его вообще не снимала с рук. Он кричал, боялся даже ноги на пол опустить. Сейчас маленькой собаки он вообще уже не боится, даже гуляет с ней. А большую, если она близко к нему подойдет, просто обходит. Еще из особенностей – у нас обнаружился энурез. Врачи ничего не сказали, мы не подготовились, и Сережа по дороге домой описал весь самолет. Он до сих пор по ночам писается, но теперь мы уже поняли, что это болезнь – памперсы купили и собираемся на прием к неврологу. А в целом нормальный мальчик, никакой не «безнадежный», как нам в Доме ребенка говорили.

Адаптация у нас проходит очень тяжело. Ну, сами представьте: когда мы ехали из аэропорта, Сережа без конца удивлялся и говорил: «Оооо, машина, Оооо, оранжевая». Он в жизни не видел машины! Я видела тот транспорт, на котором их возили в Доме ребенка, – закрытая машина, как тюремная, он вообще ничего из нее не видел. Когда заказывали ему очки, шли по торговому центру, и нам по пути встретился мойщик на машине, которая моет пол. Сережа испугался ужасно, убежал. Были и другие проявления адаптации. Поначалу он везде лез, выключатели дергал непрерывно, включал-выключал, двери открывал-закрывал. Однажды захлопнул себя в детской комнате и дверь сломал – напугал и себя, и нас. Пришлось выламывать дверь.

Но самое страшное было в том, что первый месяц он нас просто не слышал. Можно было ласково говорить, можно было орать – он делал по-своему, и все. Пришли с ним в поликлинику, я его только опустила, и он бегом по кабинетам. Давай двери открывать, свет включать-выключать. Зашли к педиатру, он сию секунду залез в шкаф, где лежат все лекарства, а после этого опять свет включает-выключает. Я его схватила под мышку, зафиксировала, а он орет благим матом. Истерику выдал просто звериную. И еще в довершение всего обкакался. Во всех общественных местах примерно то же самое. В магазинах повсюду лезет, все с полок хватает. Нас в школе приемных родителей учили и готовили ко всему, но, несмотря на это, спустя три недели у нас с Димой случился нервный срыв. Стоим в шоке от очередных Сережиных проделок, и Дима как закричит. Хотя его вообще-то не пробить, он очень спокойный человек. Я говорю: «Дима, ты что делаешь?» А он: «Я не знаю, как на него воздействовать!» И вот мы сидели-сидели, а потом решили проще к таким вещам относиться, просто не реагировать на них. И действительно стало намного легче, да и Сережа сразу успокоился отчасти. Так мы прошли самый тяжелый этап. Но все равно поведенческие сложности остались – малышу 5 лет, он не слушается, орет, ведет себя ужасно. В одной такой ситуации, когда я ничего не могла с ним поделать, просто перестала реагировать – ушла в себя. И тут он ко мне подходит и кричит: «Мама, помоги мне!» И тут я понимаю, что он борется сам с собой, ему тяжело. Он плачет, и у меня разрывается сердце, я понимаю, что он многое делает назло, но не специально. Просто не может остановиться. И в результате у нас каждый день что-то новенькое. К бабушке его отвели, он убежал из дома, бабушка в тапочках через всю деревню за ним. Айпад ей разбил, пришлось нам новый покупать. После этого «визита» бабушку я свою не узнала, лица на ней не было.

И все-таки за первые два месяца дома Сережа сильно изменился. Это уже другой ребенок, вполне сносный, и в целом он стал слышать, что мы говорим, научился делать, что просим. Мы начали водить его в Костин детский сад. Хотя поначалу искали коррекционный, потом остановили выбор на этом, все-таки проверенный вариант. Я была в тот период в отпуске и сидела с Сережей непосредственно в группе все время. Было тяжело, но эти две недели я выдержала. Только курить начала – за день так изматывалась, что, придя домой, просила у мужа сигарету. Уходили мы вечером с огромной истерикой, он кричал: «Не хочу, оставь меня в детском садике». Поговорили с директором, и она сказала, что Сережу возьмут. У них инклюзивное образование, это православный детский сад, платный. Там берут даже детей из детских домов. Преподаватели взяли двух девочек с умственной отсталостью. Сейчас эти диагнозы уже сняты.

Нам очень повезло в том плане, что бабушки-дедушки подключились, помогают. Родители мужа изначально были категорически против того, чтобы мы забирали ребенка из детского дома. Закатывали скандалы. А у нас ипотека была на тот момент, вот и все. Поэтому, когда Сережу забрали, мы все оттягивали, оттягивали, не говорили им. Но в какой-то момент Дима все решил и пригласил родителей в гости. И вот заходит его мама, выбегает Костян и кричит: «Бабушка, привет!» А за ним следом выбегает Сережа и кричит: «Бадика, пиет!» И она сразу зарыдала. Ей стало безумно жалко его, она начала причитать: «Как же так, что за матери такие, кто же так делает? Его же кормить надо. Он такой маленький». И сейчас поси-

дети с мальчишками – не вопрос, она сама постоянно предлагает: «Давай мы с ними туда сходим, давай сюда сходим».

Второго нашего Сережу я впервые увидела на Facebook. Его пиарил один из фондов. Я была в ужасе от этих глаз. Сколько горя было в них! Начала выяснять по нему информацию. Оказалось, что Сережа чуть ли не самый известный ребенок-сирота в нашей стране. Сколько было разнообразных форумов о нем, сколько людей к нему ездило! Просто огромное количество. Несмотря на это, ребенок семь лет, с самого рождения, жил в детском доме. Было понятно, что что-то не так со здоровьем, и через полтора месяца я к нему поехала.

Опять та же история. Ребенок оказался совершенно другой, непохожий на свои фотографии. Оооочень маленький, говорит в семь лет просто ужасно, все непонятно. И когда мне начали называть диагнозы, все встало на свои места. Сразу прояснилась картина, стало ясно, почему столько отказов кандидатов в приемные родители при знакомстве с ним. У Сережи тяжелый генетический синдром, который дал патологии чуть ли не во всем организме. Честно говоря, после общения с ним у меня возникло стойкое ощущение, что Сереже никто не нужен, он уже не способен на привязанность. Он был очень весел, не обращал на меня особого внимания. И вроде я уже определилась, когда увидела его в первый раз, а он мне бросил на прощание: «Ты больше не придешь». Его в этот момент собирались увести. Тогда я взяла его на руки и сказала: «Я приеду к тебе ровно через две недели». Он не поверил.

Через две недели я к нему приехала снова. Все было так же, он делал вид, что я его не интересую. Но в то же время, играя и не обращая на меня внимания, он периодически бросал взгляды, проверял, здесь я или нет, смотрю на него или нет.

В общем, мое чутье меня не подвело. Сегодня, когда Сережа дома, можно с полной уверенностью сказать, что вся его светящаяся бесконечная радость была просто маской, за которой скрывалось огромное душевное горе. Его ругаешь, он улыбается, упал, снова улыбается, не понимает – улыбается. Всегда улыбка как способ избежать неприятного состояния.

Сережа совсем не плакал, он просто не умел этого делать. Зато сегодня ревет постоянно, уже научился. И теперь не всегда решает проблемы маской радости и счастья.

Он оказался таким же диким, как первый Сережа. Координации ноль, знаний об этом мире ноль. В семь лет по уровню развития ему можно дать четыре года от силы.

Честно говоря, на сегодняшний день его будущее вызывает у нас опасения. Хотя бы даже потому, что у Сережи не сделаны две жизненно важные операции. Одна – по урологии, вторая – челюстно-лицевая. Московский уролог, к которому я привезла Сережу на консультацию, сказал: «Подавайте в суд на детский дом, это ужас, что операция до сих пор не сделана». Челюстно-лицевая операция была проведена, но плохо и без коррекции, именно поэтому ребенок не может нормально говорить. В Москве также сказали, что нужно все перешивать, и то шанс на успех не 100 %.

Отдельная тема – Сережина семья. Когда он родился, у него была огромная семья. Папа, мама, брат, сестра, тети, дяди, бабушки, дедушки. И все они написали отказы от него. Мать ни разу не пыталась узнать хоть что-то о судьбе сына.

Конечно, принять в свою семью такого ребенка – сложный шаг. Дима крайне тяжело принял всю эту ситуацию. Но сегодня мы уже привыкли к новой жизни, всё хорошо. Дети друг друга любят, мы с мужем рады, что именно так складывается наша жизнь. Сложность только со временем, но я думаю, так у всех многодетных мам.

Я, помимо прочего, еще волонтер во взрослом психоневрологическом интернате, и у меня там есть два друга. Мы с ними ездим на лошадях кататься, общаемся, встречаемся регулярно. Маше 23 года, а Коле уже 31 год. У него ДЦП, и он всю жизнь живет в учреждении, мать приезжает к нему раз в год. Она говорит, что не может его содержать, никогда не дает свой телефон, никогда не оставляет адрес. И вот он ко мне подошел один раз с такой безнадёжностью в глазах и говорит: «Ксения, мне 31 год. Я всю жизнь живу в этих условиях. Что мне делать? Что меня ждет?» А когда мы с Колей катались на лошадях, он вдруг меня спросил:

«Ксения, а ты могла бы стать моей мамой?» Ему всю жизнь и до сих пор не хватает мамы, недостает семьи! Эта тема очень болезненная для всех детей в учреждениях. Когда я оформляла документы в опеке города, где забирала первого Сережу, там в этот момент стоял парень лет 18. Он и говорит сотруднику опеки: «А вот мне сказали, что у меня была проблема в документах, поэтому меня никто не мог взять в семью». Он себе это так объяснил, чтобы совсем не отчаяться... А у Маши, с которой мы тоже дружим, легкая форма умственной отсталости. Но она вообще нормальная девушка и никакие отклонения невооруженным глазом не видны. У нее бывает плохое настроение, немного трудный характер, но она настолько обычная – такая добрая, отзывчивая, всегда готова помочь. Да, она пишет с кучей ошибок, но это такая мелочь! У нас в обществе не всегда найдешь настолько душевных и отзывчивых людей, как они. Ребята учатся в коррекционной школе, сами ездят в храм, благодаря которому я с ними и познакомилась. Маша разумная девушка, она может жить самостоятельно, вот только никто не позволит – по документам она не дееспособна. Я Маше сказала, что, когда возьму еще несколько детей из детского дома, она будет мне помогать. Только вот проблема в том, что она не может выйти из интерната. Для этого надо доказать дееспособность, а на практике это почти невозможно. У них был прецедент – там жил молодой человек, и он 10 лет проходил комиссии, чтобы выйти оттуда. Я каждый раз смотрю на этих людей и думаю о детях, которые сегодня живут в детских домах и которых завтра ждет та же судьба. Их жизнь невыносима. И я уверена, что не случайно попала в Дом ребенка и в интернат. Постоянно езжу в Троице-Сергиеву лавру и иногда думаю, что, наверное, Сергей Радонежский ставит мне задачи. Во всяком случае, обоим Сережам я нашла после поездки в Сергиев Посад.

Я считаю, надо больше работать с семьями и надо менять сознание людей. До сих пор не понимаю, почему при существующем уровне развития страны нет элементарных социальных служб, которые помогали бы мамам, оставшимся без средств к существованию и без крыши над головой. Если помощь и есть, то она точечная, силами некоторых фондов, и на всех ее определенно не хватает. Думаю, что нужно все больше и больше людей в это вовлекать. Инвестировать на государственном уровне, обеспечивать социальную рекламу. Помню, когда я посмотрела фильм Ольги Синяевой «Блеф, или С Новым годом», то окончательно поняла, что тоже хочу принять ребенка, без этого не смогу. У нас в окружении есть люди, которые могли бы усыновить, многие подруги, например, морально готовы, но у них мужья против. Надо работать с мужчинами. Дима мой, например, очень зависим от мнения друзей. И он не ожидал такой реакции людей, был в шоке, когда мы взяли Сережу. Он просто не думал, что все отнесутся к нашему поступку с большим уважением. Сейчас все знакомые готовы нам помочь, его друзья, врачи, теперь нас бесплатно лечат. За все время я услышала только один раз негативный отзыв: «Ты что вообще сделала? Ты хоть понимаешь?» Но это, конечно, не показатель.

Думаю, надо просто затаскивать людей в детские дома. Сиротские учреждения не имеют права быть закрытыми. Я привела свою подругу в Дом ребенка, она там плакала. Через какое-то время она сказала, что тоже готова принять ребенка. Я уверена, что дальше ситуация будет меняться, потихонечку и инвалидов, и детей с синдромом Дауна разберут. Приемных семей, к счастью, с каждым годом становится все больше.

Семья Городиских

Ты будешь старенькой, я стану за тобой ухаживать

Наталья Городиская, председатель Совета представителей общественных объединений семей, воспитывающих детей, оставшихся без попечения родителей, при Минобрнауки РФ, мама десяти детей, восемь из которых приемные.

Мы с мужем поженились в 2003 году, и у нас в семье всегда были разговоры о том, чтобы взять приемных детей. Я росла одна, а у Славы в семье детей было трое – он и два брата. И вот я тоже хотела троих – двоих родить, а одного усыновить. Собственно, все это мужу и озвучила. Это было еще в начале наших отношений, кровных детей пока не было. Мы оба работали и занимались строительством дома. У нас родилась Лера. У мужа была юридическая фирма, у меня свой бизнес – три магазина. Я тогда чем только не занималась. В тот период был очень популярен фэн-шуй. И вот помимо этих трех магазинов с восточными сувенирами мы организовывали курсы по фэн-шуй, я приглашала мастера. Сама с удовольствием училась, получала дипломы. Мне тогда было все это интересно, к тому же шло строительство дома, и я старалась, чтобы в нем все было правильно организовано. Дом мы построили, как нам казалось тогда, в соответствии с этими правилами. Потом я открыла Центр позитивного общения, у нас был свой клуб. Мы приглашали позитивных психологов из Москвы, приезжала Лена Шехина, она из академии Александра Свияша. В то время это было очень интересно, популярно, я сама с удовольствием тренинги посещала. Кстати, позитивная психология как раз и помогает детей воспитывать, потому что если нет позитива, то это сложно. В общем, все было отлично. Товары в наших магазинах пользовались хорошим спросом. Плюс у меня продавцы давали грамотные консультации, покупателям было интересно. А потом в 2008 году случился кризис. В августе у меня родился Максим, а осенью наступили сложные времена. Магазины потихонечку сошли на нет, только один остался. Честно говоря, я и сама уже, конечно, подустала к тому времени. Я вообще считать не очень люблю, продавцам доверяла безоговорочно и не делала ни одного учета. Я была вся в детях, у меня с их появлением внутри как будто что-то переключилось. Для меня они стали самым важным в жизни.

Особенно остро я это почувствовала, когда родился первый ребенок, Лера. Я помню тот момент, когда мне в первый раз ее принесли. Никогда этого не забуду. У меня были тяжелые роды, пришлось делать кесарево в конце концов. И я очень боялась, что что-то не так с ребенком – ее долго не несли. И потом, когда я ее увидела, у меня был такой незабываемый момент в жизни, такая эйфория! Я помню, ее положили рядом, а я не могу до нее дотянуться, шов же, и все такое, пошевелиться физически не могу. Еще и продавленная кровать, панцирные сетки. А мне так хотелось до Леры дотронуться, хоть языком дотянуться – лишь бы только прикоснуться. И с этого момента я поняла – вот все, что мне нужно. Вот оно, счастье! Произошел какой-то переворот, я не знаю, что это было. Но я поняла, что нас с ней двое – я пришла одна, а уходим мы вдвоем. И уже тогда я знала наверняка, что у нас с мужем будут еще дети. Если первого ребенка я ждала и не особенно думала об этом, то после поняла, что хочу еще детей.

Я стала изучать книжки по воспитанию детей. Спок тогда еще был популярен, все его читали. Мне это было интересно и очень важно. Я же педагог по профессии и по призванию – детей всех вынянчила у соседей. Если мамочка во двор выходила с коляской, Наташа была тут как тут. Наташа не с подружками бежит, а рядом с мамочкой этой ходит, развлекает младенца. У меня это было с детства, причем больше, чем у всех моих подруг, – с коляской ходить, в куклы играть, в дочки-матери, кастрюльки, посудка. Мне это нравилось, я не знаю, почему.

И мне тогда еще говорили, что я буду воспитателем в детском саду. Я всех малышей организовывала, куда-то вела, устраивала для них игры. Родителям в 4 года объявила, что выхожу замуж. Причем и мальчик в детском саду был, у нас с ним дочка-кукла росла. Мама моя смеялась с родителями того мальчика, они говорили: «Как у них все серьезно». То есть с раннего детства была такая тяга – семья, дети. Мне очень этого хотелось. И вот в 27 лет, уже в таком сознательном возрасте, я родила первого ребенка, уже прекрасно понимая, что дальше хочу жизнь связать именно с детьми.

И в это же время у меня возникло безумной силы желание помогать детям в детских домах, я начала заниматься волонтерством. В какой-то момент, когда у меня уже были Максим, Лера, я проезжала мимо нашего детского дома на проспекте Строителей, и у меня вдруг как текут слезы! До сих пор не знаю, что это было такое. А детский дом же закрыт, туда просто так не попадешь. Но у меня возникли дикий интерес и огромное желание пробраться к детям, которые там живут. Конечно, все получилось – кто ищет, тот всегда найдет. Знакомые из Центра позитивной психологии, как только узнали, что я хочу помогать, сразу дали мне телефон музыкального работника этого детского дома. Я позвонила, она говорит: «Ой, нам так нужна помощь! Нам нужны платья свадебные на 8 Марта девочкам на выступление». Я сразу всех своих знакомых обзвонила, насобирала им этих свадебных платьев, плюс свое отдала. В него никто не влез, правда, хотя девочкам всего по 18 лет. Когда я пришла в детский дом с этими платьями, я познакомилась со старшими девочками. Хотя ехала туда в надежде посмотреть на маленьких, там дети живут с четырех лет. И как раз с этими взрослыми девочками я разговорилась, предложила им провести какие-нибудь интересные курсы, мастер-классы – по рукоделию, по тому по сему. Сказала им, что мы очень хотим общаться как старшие товарищи, как подруги. Помню, они не особенно воодушевились. Я ж не знала, что к ним и так ходят разные организации и люди, в принципе впервые в жизни с этим столкнулась.

Потом на репетицию меня пригласили, я приехала, посмотрела. Особенно никого не выделяла, одинаково общалась со всеми. Со мной еще несколько приятельниц собирались приехать, но они почему-то не смогли. Приехала я одна с кучей всего, опять какие-то костюмы привезла. И на этой репетиции меня приглашают на концерт 8 Марта, для которого я собирала платья. Это было в 2009 году. Естественно, приезжаю, смотрю концерт, и одна девочка, Ирина, я уже всех по именам к этому времени знала, все выступление смотрит прямо на меня, словно ищет поддержки. Она еще слова во время выступления забыла, а я ей ободряюще так улыбалась. Ира играла в спектакле главную роль Золушки. И я улыбаюсь ей, а сама все малышка высматриваю – младшие ребята на первом ряду сидели. Как и всем, мне тогда хотелось маленькую синеглазую девочку. Ире было 17 лет, в октябре должно было исполниться 18. А после выступления она меня берет за руку и говорит: «Пойдем, я экскурсию тебе проведу по детскому дому!» У нас был очень хороший детский дом, кстати, жалко, что именно его закрыли, потому что он был организован как раз по семейному типу. Гостиная в каждой группе, две или три спальни, холл большой, кухня. В каждой «квартире» такой – 8 человек максимум. Сейчас вроде больницу из этого детского дома сделали, а детей на высылки отправили, за 170 км от города. И вот Ирина ведет меня в свою комнату, там стоит несколько кроватей, ремонт такой приличный, свежий, а над кроватью Иры висит икона Иоанна Оленовского. У нас есть святые места под Пензой в деревне Соловцовке. Иоанн Оленовский – это святой покровитель Пензенской области, к нему едут паломники со всей России и даже из-за границы. Действительно, был такой человек, очень много мне про него одна бабушка древняя рассказывала, она его знала. Мы со Славой в церкви Иоанна Оленовского венчались, детей там крестили. И каждый раз, когда я туда еду, всегда вопрос какой-то внутри, о чем-то думаю, размышляю. А потом в жизни приходит ответ. А тогда я села на Ирину кровать, у меня слезы градом, мы с ней как обнялись. Она мне в тот день подарила коробку конфет и открытку: «Спасибо, что помогала». Кстати, забегая вперед, из всех моих детей Ира больше всех на меня похожа, даже черты лица схожи, и

она такая же сентиментальная, очень душевная. Она меня потом в Соловцовке научила исповедоваться и к иконам подходить. Я ей говорю: «Ириночка, давай мы с тобой будем дружить. Или я буду тебе старшей сестрой. У меня женский клуб, мы там все собираемся, общаемся, тебе будет интересно». Я взяла у нее номер сотового телефона, денежку ей иногда на этот номер закидывала. И с этого дня практически каждую субботу, тогда гостевого режима официального не было, я ее на день забирала с собой – в клуб, в кафе, по магазинам. Первый раз она к нам домой приехала на Пасху, Макс тогда было 8 месяцев. А до этого мы с ней вдвоем встречались, в семью я ее пока не приводила, муж знал об Ирине, я ему все рассказывала, но пока не знакомила.

Честно говоря, в тот период я столько всего выслушала, что даже вспоминать страшно – и от друзей, и от воспитателей детского дома. Все твердили: «Не веди в дом, у тебя семья, а тут молодая девица». Но у меня было внутреннее ощущение, что я все делаю правильно – так, словно меня кто-то за руку взял и вел. При этом было совершенно не важно, что говорят, просто пробиваешь лбом стены и любые препятствия, уверен, что все делаешь как надо. У меня со всеми детьми так было, хотя и финансовые сложности случались, и в плане отношения окружающих не все оказывалось гладко, но я делала это и понимала, что это нужно делать, и как-то все хорошо обходилось.

Но вернемся к Ирине. Утром на Пасху я поехала за ней, привезла домой, с семьей познакомилась. Все у нас очень хорошо прошло – дети ее полюбили сразу, моментально, и приняли как свою. А в июне она уехала в лагерь от детского дома на целых три месяца. Но мы к ней ездили в гости, гостинцы привозили, она от всех девчонок нам писала пожелания, что привезти. Я не только с ней общалась, но и с другими тоже, просто Ира была ближе всех. Так мы общались, общались, а потом Ире исполнилось 18 лет. И так вышло, что ей негде было жить – на очередь, на квартиру, ее как сироту, конечно, поставили, но до квартиры было еще очень далеко. В детском доме сказали, что до Нового года ее подержат, на птичьих правах, а потом надо идти жить по прописке – к тетке, которая Ирину в детский дом и отдала, выселив ее маму к тому же. Все ради того, чтобы их комнату забрать. Она бы выгнала Иру просто на улицу, это было совершенно не вариант. Но у меня Иринка добрая девчонка, она всех простила и всех приняла, маму ее мы потом тоже разыскали. И вот Ира звонит мне, плачет. К тому времени я уже с руководством детского дома хорошо общалась, была членом Совета женщин при главе нашего города. В общем, бурную деятельность развила – волонтеров постоянно искала им на мероприятия и, конечно, вхожа была к директору. Я сразу после звонка Иры поговорила со Славой, объяснила, что такая-то ситуация, Ире негде жить, он говорит: «Без вопросов, пусть с нами живет, дети ее обожают». Я звоню Иринке, говорю: «Собирай вещи, к тетке я тебя не отпущу». И поехала в детский дом. Встретилась с директором, все рассказала. Никаких заявлений и документов не нужно, Ире 18 лет уже есть. Кроме того, я ее часто брала домой, Ирина

нас всех знает. И тут началось такое! Мне стали наговаривать на Иру, что она и легкого поведения, и воровка. Ире говорили, в свою очередь, про нас, что мы извращенцы и Славу просто потянуло на девочек и все такое. Ира мне это рассказывает, а сама перепугана до смерти. И это не единичный случай таких наговоров. Я не знаю, зачем в детских домах такое делают. Почему чинят абсурдные препятствия и чего хотят этим добиться? Кстати, до сих пор отношение многих людей необъяснимое. Иринка много лет спустя встретила воспитательницу детского дома, а о нас уже и статьи писали, и делали репортажи, и она говорит: «Что, Городиская сумасшедшая? Для чего она это делает, зачем ей это?» Парадокс, кстати, еще и в том, что многие воспитательницы в детском доме бездетные, они, как правило, родить не могут, не могут выйти замуж. Но это уже отступление от нашей истории из личных наблюдений.

С тех пор Иринка жила у нас, и она очень хорошо вписалась в нашу семью. Конечно, был период «притирки», к тому же с первым приемным ребенком всегда сложнее всего. Мы жили тесным мирком, своей семьей, а тут взрослая девушка входит в дом, и происходит неизбежно преодоление многих внутренних барьеров. Нужно впустить нового человека внутрь души и в сердце семьи. С первым приемным ребенком это очень ощущается, тем более если он взрослый. Он не знает, что можно взять, что нельзя, как реагировать на это, а как на то. Мне приходилось мириться с тем, что мои вещи время от времени используются, что где-то образуется беспорядок, где-то стало совсем не так, как мы привыкли. Бытовые вещи иногда раздражали, но путь был один – учиться терпению и на что-то закрывать глаза. Следующим детям я уже изначально проговаривала правила, а заодно позволила себе принять тот факт, что мы все не роботы и испытывать разные эмоции – это нормально. Но, честно скажу, человека, более благодарного, чем Ирина, я в этой жизни не встречала. Она мне за всех моих приемных детей дает, причем очень и очень много. И до сих пор говорит «спасибо». Мы ей потом помогли, квартиру отсудили. Я звонила в администрацию, подключила связи. В общем, квартиру ей дали очень хорошую, тогда еще сиротам выделяли жилье в хороших домах. Это сейчас строят гетто. И она все время это вспоминает, говорит: «Вы мне столько всего дали!» Хотя сама она нам еще больше дает. И когда у меня были в жизни проблемы, нужно было выйти на работу, она и с Максимом посидеть была готова, и по дому что-то сделать. Это первый человек, который всегда рядом и всегда придет на помощь. Я никогда не слышала от нее слова «нет». Это настолько родной человек на самом деле, что среди родных-то детей далеко не всегда подобную привязанность встретишь. Она как-то раз ко мне подошла, говорит: «Когда ты будешь старенькая, я буду за тобой ухаживать». Хотя у нас разница-то всего 14 лет, но в ней признательность, принятие меня как мамы очень глубоки.

Сейчас Ира уже совсем взрослая, замужем, у нее двое детей. Я крестная ее второго ребенка, маленькому Тимурке 6 месяцев. У Иры прекрасный муж, они уже вместе с ним купили двухкомнатную квартиру, сделали отличный ремонт. Мы в их жизнь не лезем, но общаемся

постоянно – ходим к ним в гости, они приезжают к нам, я многих их друзей знаю. Ира до сих пор нас называет «мамочка» и «папочка», хотя разница у нас совсем небольшая. Мы с Ирой скорее в сестры друг другу годимся.

Обоих малышей Ира, можно сказать, со мной рожала. С первым она звонит, спокойная такая, и говорит: «Мамуль, я вот сходила в душ, а вода все течет и течет по ногам». Я говорю: «Вызывай «Скорую» срочно». А она: «Я никуда не поеду, рожать сегодня не собираюсь, у меня ничего не болит». Я тут же прыгаю в машину, еду к ней, а сама вызываю «Скорую», звоню знакомым врачам. Я не заплатила ни копейки, но рожали мы по высшему разряду, на контроле главврача, и два акушера не отходили ни на минуту. Я просто попросила помочь, сказала, что в первый раз в жизни становлюсь бабушкой – старшая дочка рождает. Родили мальчика Артема. И со вторым ребенком тоже всем позвонили, всех оповестили, родился Тимур. Хотели девочку, но вот снова мальчик. Так что у нас Тёма и Тима. Хорошие невозможно! Когда Тема к нам в гости приходит, он просто нарасхват, все дети его забирают играть. Но Ира никогда не оставляет детей надолго. Она очень хорошая и ответственная мамочка. Сколько раз я ей звонила, говорила: «Отдохните, привозите мальчишек к нам!» Они привезут ненадолго повидаться и тут же забирают. Я Ире говорю: «Вот из-за вас я буду усыновлять и усыновлять, вы не даёте мне с маленькими детьми повозиться».

А когда Ира еще жила у нас, мы встретили Настю. Я все время искала маленького ребенка, даже из Москвы каких-то детей находила. А в итоге в Пензе пробралась в Дом ребенка, договорилась через администрацию и там увидела Настю. Она была без статуса. Настолько чудесная-расчудесная девочка, красавица, мечта усыновителя. Светленькая, голубоглазая, кудрявая, ей было почти 3 года. За месяц до ее дня рождения, накануне Нового года, я ее и нашла. Подходило время лишать ее маму родительских прав, а я в это время оформляла документы. И мне разрешили посещать Настю. Мы хотели сразу ее удочерить, но в опеке нам сказали, что этого сделать нельзя. Папа сидит в тюрьме и пока не лишен родительских прав, вопрос о лишении будет ставиться после того, как он выйдет из тюрьмы. В общем, Настю мы оформили в приемную семью.

По сравнению с моими детьми Настя была ребенок-ураган. У меня оба спокойные, покладистые – и Лера, и Максим. А Настю мы просто не знали, где ловить, настоящий метеор. Хорошо, бабушка у нас была, Иринка жила, все вместе за Настей приглядывали. Максиму было 1,5 года, Лере 5 с небольшим, и Настя у нас стала средним ребенком в семье. Я тогда еще не совсем понимала, что происходит, еще не было никаких ШПР. Мне из Москвы присылали книжки для подготовки, одна из них была «К вам пришел приемный ребенок» Людмилы Петрановской. У нас были все ужасы адаптации. Приступы истерики или обиды – Настя могла не разговаривать весь день. Она все таскала, всюду залезала, роняла на себя все шкафы, сшибала все углы. Полная разбалансированность. Ее мама привела в Дом ребенка, она сама детдомовская. Родила Настю от мужа, который сидел в тюрьме, там же с ним расписалась. Было единственное свидание, после которого появилась Настя. У этой мамы еще старший мальчик был, но мне сказали, что он где-то далеко. Хотя на самом деле, как потом выяснилось, он жил в том же детском доме, где была моя Ирина. Как только я узнала, сразу поехала к нему, но мне сказали, что к нему ходит мама, и отдавать его в семью не планируют. К Насе мама, кстати, всего один раз приходила в Дом ребенка, ее там поругали, и она больше дочку не навещала.

Настю мы за несколько лет привели в порядок. Энурез у нас прошел, заикание мы вылечили, дочка пошла в садик. И вот через два с половиной года ее кровный папа вышел из тюрьмы, и нам прекратились все выплаты по опеке, хотя Настя так и оставалась у нас, а папа не объявлялся. Мы ждали его, чтобы лишить родительских прав и подать документы в суд на удочерение. Но тут мне звонят из опеки и говорят: «Здравствуйте, Наталья Леонидовна, готовьте ребенка, папа будет девочку забирать». Я была просто в ужасе, говорю: «Вы так спокойно это говорите, но ребенок почти три года у нас, она не знает других папы и мамы, кроме

нас с мужем. Как вы себе это представляете, чтобы мы ее отдали? Это катастрофа будет для нее, для моих детей, для моего мужа, вообще для нашей семьи». На это специалист отвечает, что папа у Насти вменяемый, прав он не лишен, и дает мне его сотовый телефон, предлагает самой позвонить и обо всем договориться. Я с упавшим сердцем иду домой, мне ужасно плохо. Во-первых, не представляю, как я скажу об этом Насте. Во-вторых, это немыслимо вообще. У меня в голове картинка, что папа непонятный, живет в трущобах, где потолок на голову вот-вот упадет и холод страшный. Дома я обо всем рассказала Славе. В тот вечер все мы плакали, даже муж. А главное, мы не понимаем, как все это Насте преподнесем, что будем ей говорить. Потом мне позвонили и сказали, что отец Насти уже завтра хочет ее увидеть, и я начинаю с ребенком разговаривать. Говорю ей с такой деланой радостью, восторгом: «Настя, ты представляешь, тебя искал еще один папа, и он тебя нашел!» Она начинает хлопать в ладоши, прыгать. Как-то я сумела передать, что это хорошее событие в ее жизни, не испугала дочку. Но когда я ее укладывала в тот день, она мне говорит: «Мамочка, ты меня только никому не отдавай!» И я разревелась. В принципе не могла понять, как я отдам ее чужому человеку, которого она не видела ни разу в жизни.

Но утром встаю и звоню папе. Трубку берет мужчина с нормальным приятным голосом, говорит вменяемые и разумные вещи. Я ему объясняю, что мы в этой ситуации не враги, а друзья, которые должны действовать в интересах Насти. Потому что такой маленький ребенок во второй раз потерю матери не переживет, это слишком сложно. Сказала ему: «Если вы хотите с ней по-настоящему сблизиться, давайте сегодня не будем встречаться с Настей, мне надо ее подготовить. Для начала я хотела бы сама с вами встретиться». Он согласился со мной и пригласил приехать к нему на работу. Мы со Славой тут же прыгнули в машину и приехали. Выходит парень, симпатичный, высокий, крепкий, с ясным твердым взглядом, и садится к нам с мужем в машину. Настя на него безумно похожа. И он начинает рассказывать историю о том, как сел в тюрьму по глупости, за угон машины по пьяному делу. Как он все это время мечтал о том, чтобы забрать детей, и Настю, и сына, что уже подготовил все документы. У него мама живет в деревне, в хорошем большом доме, у нее свое хозяйство. Оказывается, он вышел из тюрьмы раньше срока, уехал в Москву на заработки, чтобы привезти матери денег, самому одеться-обуться и потом детей содержать. Сейчас ему 26 лет, он работает заместителем начальника на станции техобслуживания, у него хорошая зарплата, перспективы и все очень серьезно.

Я не была готова к такому повороту событий, думала, что с кровным папой все плохо, какая-нибудь асоциальная жизнь. А тут совершенно другая картина, и я стала ему доверять. У меня есть такое природное свойство – вижу людей и понимаю, когда они говорят правду, а когда лгут. Совершенно четко ощутила, что он не врет, спросила: «Виталий, ты, наверное, очень хочешь ее увидеть?» Он говорит: «Да, очень хочу, я только один раз в жизни видел Настю – жена привозила мне ее показать, когда я был в тюрьме. Дочке было всего 2 месяца». Я сказала, что мне нужно подготовить ее и встречаться им придется сначала в моем присутствии. Объяснила, что ребенок сложный, что мы ее лечим у логопеда, что она плохо говорит. Он на все условия согласился.

Тогда я стала готовить Настю, рассказала, какой у нее замечательный папа Виталий, как долго он ее искал. И я так все это преподнесла, что, когда мы приехали с ней домой со свидания с ее папой, с подарками, мой Максим, кровный мне, подходит и говорит: «Мама, а у меня почему нет двух пап?» Ему тоже захотелось. Все прошло мягко, она, возможно, еще и не понимала происходящего до конца, у нее задержка в развитии. Потом мама Виталия попросила привезти Настю в гости на полдня. Потом он ее возил в деревню с ночевкой. А потом я видела, как она к нему бежит, как бросается на руки. И с какой невероятной любовью он на нее смотрит. Я просто поняла в тот момент, что если не разрешу ему забрать дочку, то сделаю большую ошибку. Я поговорила с опекой, они все разузнали про бабушку, все прове-

рили. Подтвердили, что непьющая семья, что Виталий действительно работает, привозит своей матери деньги. Прошло несколько месяцев, Настя с папой очень хорошо общались, я сама на тот момент доверяла папе. Начала думать, что, возможно, в случае с Настей нашей миссией было воссоединение кровной семьи. К тому времени я начиталась много книг и статей, уже понимала важность кровных связей. Папа Насти начал жить с женщиной (мама Насти пропала и не появлялась), ее звали Ларисой, и она к Насте хорошо относилась, говорила: «Ой, как я хочу этих детей!» У нее у самой был сын, который жил с ней. Мы с Ларисой тоже стали тесно общаться. Она с удовольствием Настей занималась, косички ей заплетала, бантики. Я поняла, что все, семья воссоединилась. И я тогда приняла решение: «Все, Настю возьмем». Мы ее собирали радостно, со спокойной душой. Взяли восемь мешков игрушек, одежды – и то, что сейчас носить, и на вырост. Поехали в деревню, я настроила себя на то, что все будет хорошо. Подъезжаем, стоит добротный дом, перед ним палисадник аккуратный, все засажено. Цветы везде. И я вижу, на пороге стоит женщина, полная такая. Я понимаю, что это Виталина мама, Настина бабушка. Мы с ней обнялись и как начали вместе плакать. А дети уже тем временем начали таскать Настины тюки с вещами из машины в дом. Подъехал Виталик с Ларисой, они накрыли стол, усадили нас. И я вижу, что везде, по всему дому висят Настины фотографии – она и ее старший братик. Настя именно в этом доме жила с мамой и бабушкой. И тот отрезок жизни, который выпал у нас до этого, нашелся там. Я поняла, что Настя дома. Нас пригласили в гости тысячу раз, надавали мне всяких полезных трав, кучу грибов замороженных, без конца благодарили. Бабушка говорила: «Наташенька, спасибо тебе, девочка. Я так себя корила, что не смогла Настю взять!» Я видела, что отдаю Настю в хорошие руки. С того моменты мы стали общаться, встречаться, несколько раз за лето приезжали. А потом я почувствовала, что Лариса начала ко мне ревновать Настю, и поняла, что дальше не стоит вмешиваться. У них там все хорошо, все прекрасно. Наше общение стало сходить на нет, я поняла, что не надо больше лезть. И затосковала.

Тогда мы и взяли на гостевой режим нашего первого подростка, Артема. Товарища Артема по комнате, тоже подростка, забирала домой в гости девушка-волонтер из благотворительной организации, моя подруга. И мой Артем очень переживал, что его не берут. С Артемом связана интересная история. Когда в Пензу привезли православную святыню, он отстоял огромную трехчасовую очередь и загадал найти себе семью. Меня это откровение очень тронуло, потому что для 13-летнего ребенка такая настойчивость очень необычна. Познакомились мы с Артемом на дне рождения у Паши, того самого соседа по комнате. Подруга устроила праздник, пригласила мальчиков вместе поехать в парк, и нужны были несколько волонтеров, чтобы ей помочь. Я вызвалась, своих детей тоже взяла. И Артем начал опекать моего Максима, на руки его брал, ходил с ним, играл. А когда мы вместе уже сидели за столом, я предложила ему приехать на выходные к нам в гости. Я сказала мужу об Артеме, мы его взяли сначала в гости, а потом и навсегда и больше не отдавали. А гостевой режим продляли и стали приглашать в гости сестру Артема, Юлю. Она красавица, золотая девочка, ее весь детский дом обожал. Она на год старше Артема, они погодки – ему исполнилось 13, а ей 14. И Юля тоже оказалась в нашей семье. Кстати, с братом она в детском доме не общалась, у них был какой-то антагонизм. Он мог ее ударить, обозвать. У меня шок был от таких отношений, они же брат и сестра. Я с этим очень долго работала, подолгу с ними разговаривала. А у Юли в детском доме остался очень хороший друг, Сергей 13 лет. И так получилось, что этого мальчика мы тоже забрали. Причем он сам попросился. Директор детского дома сразу сказала мне, что это самодостаточный мальчик, он уже ушел из одной семьи и никогда к нам не пойдет. Собственно, поэтому я даже в гости его не звала. Но когда я приходила в детский дом, он все время вокруг меня кружил. Я подумала тогда, что нам надо поговорить, и пригласила Сережу в гости. Он с удовольствием пришел – наверное, потому что у нас были его друзья. Он им доверял, а друзья сказали, что у нас все очень хорошо. И он провел с нами каникулы, они закончились, и я смотрю, Сережа в последний день весь такой грустный ходит. Наконец собрался с духом и говорит: «Наташа, я хочу у вас остаться». А я на тот момент на сто процентов знала, что пока никого больше не возьму. У нас Тема такой сложный оказался подросток, он нам до сих поддает

периодически. Очень ведомый, непредсказуемый, хотя всеми силами сдерживаем его и стараемся держать в ежовых рукавицах, и он нас любит, уважает, я это вижу. В общем, после этих слов Сережи я к мужу, говорю: «Мы не можем его предать». Сережу тоже забрали. А он такой маленький росточком, белобрысый, полгода у меня под мышкой ходил, потом немного подрос. Улыбка у него безумно очаровательная, всех обезоруживает. Мальчишка, конечно, сложный, у него тяжелая история. У Сережи бабушка рядом с детским домом жила, он к ней ходил, а она так и не оформила на него опеку. Папа есть, обещал его забрать, но и он этого не сделал. Мама нервы мальчишке мотает периодически. А брат Сережи усыновлен в Америку. Мальчик очень тревожный, первое время плакал каждый день, у него были настоящие истерики. И тем не менее он остался с нами и сразу превратился в такого маленького мужичка.

В общем, как я ни тосковала по Насте, а трое детей-подростков быстро меня отвлекли. То в школу вызовут, то одно происшествие, то другое. А потом нам сказали, что закрывают детский дом, и мы стали ездить по всем волонтерам, успели распределить по семьям всех наших полюбившихся детей. Остались только Ваня и его сестра. Мы с ними тоже общались, ездили навещать. Ваня нас полюбил еще в летнем лагере, куда мы приезжали к детям. И он сказал в детском доме: «Либо к ним пойду в семью, либо никуда». Нам было жалко, что его увезут, и мы этих двоих тоже забрали. Стало пять подростков, которые пришли к нам в течение одного года. Самый большой подарок в жизни! Я примиряла их, без конца бегала в школу, работала с ними. Получается, что все приемные подростки к нам попадали после гостевого режима, и я считаю, это просто классно, что есть такая возможность познакомиться ближе. Хотя, если я иду на гостевой, это значит, что ребенок будет с нами на сто процентов. Просто не смогу его предать. Нередко родители ошибочно считают, что взрослым детям семьи уже не нужны, тем более подростки сами часто говорят, что не хотят в семью. Они хотят, все и без исключения, просто очень боятся того, что их там ждет.

А потом я встретила Димку. Случайно все получилось – нас как-то вместе с «Единой Россией» повели в детский дом на экскурсию. Все это организовал руководитель проекта «России важен каждый ребенок» в Пензенской области, я уже была его заместителем в этом проекте. И вот эта неожиданная экскурсия позволила мне познакомиться с моим Димасиком. Дима – это подарок судьбы, у меня совершенно честно стопроцентное ощущение того, что я сама его родила. Это к вопросу: можно ли полюбить чужого ребенка как своего? Еще как можно! Я его увидела совсем маленьким – большая голова, маленькое туловище. Это был один из детей, которых в учреждениях называют «овощами». Меня это всегда страшно корбит, нельзя так о живом человеке говорить, даже если ребенок слепой, глухой и не может двигаться: он живой, он все чувствует. В общем, Диме был годик, но он даже не садился – его брали за ручки, и он на спинку тут же падал. Я взяла его на руки, посадила и смотрю, он сидит. Я уже была более грамотная к тому моменту, говорю сотрудникам: «Смотрите, он сидит!» А персонал все о своем: «Безнадежный, гидроцефальный синдром, задержка в развитии и все такое».

И я подумала, что обязательно найду ему родителей. Сама его домой брать не собиралась. Приехала домой, перерыла весь Интернет, прочитала про этот «гидроцефальный синдром» и попыталась сосватать ему родителей – у меня постоянно был кто-то, кто ищет ребенка. Потом сама закрутилась, приехал режиссер снимать фильм про нашу приемную семью, потом 2 февраля был день рождения моей Насти, и я не смогла дозвониться. С осени они перестали выходить на связь. Я звонила, Виталий не брал трубку, видимо, не хотел общаться, и я очень сильно беспокоилась. Помню, плакала и очень сильно тосковала по ней. И потом на связь через «Одноклассники» вышла младшая сестра Виталия, Юля, написала, что им очень нужна моя помощь, и дает номер. Я сразу перезваниваю, и тетя Нина, бабушка Насти, говорит: «Наташенька, милая, приезжай! У нас все плохо. У меня был инфаркт. Виталий детьми вообще не занимается, бросил их на меня». Я утром сажусь в машину и к ним за Настей. Она загорелая такая, подросшая, беззубая, вцепилась в меня мертвой хваткой и не отпускает. Сандалии у

нее хлупают, носить нечего, из всего, что мы привезли, она выросла. За все время отец к ним с братом приехал только один раз, и когда у бабушки случился инфаркт, дети были одни в холодном доме. Никто не приехал. Я говорю: «Почему вы мне не позвонили?» Оказывается, они номер мой потеряли, а Виталий не давал и не разрешал звонить. Я говорю: «Вы как хотите, а мы завтра уезжаем с детьми в лагерь для детей-сирот Китежград, и Настю я забираю с собой. Виталия беру на себя». Брат Насти, Вася, меня вообще не знал, он был привязан к бабушке и деду, а то я бы и его забрала. В общем, хватаю Настю, сажаю ее в машину, и мы едем домой. И Настя мне говорит: «Можно я буду снова называть тебя мамой?»

Дети отлично нас встретили: «Ура, Настя!» А сама она, пока жила у бабушки, все время вспоминала Максима и всех нас. Привезли мы ее домой, и началось: спазмы речевые, энурез, памперсы пришлось купить, хотя ей было уже шесть с половиной лет. Все вернулось на круги своя, словно ей три годика. Мы забрали ее в гораздо худшем состоянии, чем отдали. Она вот только сейчас стала сносно говорить, а ей уже 8 лет. Мы целый год с ней учим буквы. Одним словом, был дикий регресс. Бабушка воспитывала детей и ремнем, и в плане послушания Настя стала золото золотое: «Мамулечка, чем тебе помочь?» Каждый день мыла полы, делала все по дому, а детям приемным она заявила: «Я здесь жила до вас, поэтому я здесь главная». И еще она научилась лавировать.

Как только мы приехали с Настей, я сразу позвонила в опеку. Там мне говорят: «Заявление пишите, но выплат вам никаких не будет». Я отвечаю: «Какие выплаты, это мой ребенок, и я ее никому больше не отдам». Заявление написала. Потом позвонила ее отцу и сказала, что Настя у меня. Он признался, что она ему не нужна, нет никаких чувств. К Ваське, сыну, – да, успел привязаться. А на том, чтобы забрать Настю из нашей семьи, настояла его мать. Сказал, что подпишет любую бумажку, какую надо. Мы встретились у нотариуса, он подписал отказ. И недавно его лишили родительских прав в отношении Насти. Психика ребенка умеет защищаться, она теперь спрашивает: «Мама, а почему я жила там?» Я говорю: «Настя, ты очень хотела к бабушке, и она без тебя скучала». Своих кровных мать и отца, которых она видела, живя у бабушки, она не признает. Называет «Васины родители», а мы у нее мама и папа.

А я тем временем еще по малышу очень скучала. Выпрашивала внука, мне на ночьку дали, забрали сразу. И поняла, что хочу маленького ребенка, вот просто умираю. Все подружки уже родили по третьему. Я Славе говорю: «Давай усыновим малыша. Сможешь полюбить?» Он ответил: «Конечно!» А я в то время ездила как сопровождающая с семьями в Дом ребенка, у нас был проект «Кафе приемных семей» при общественной благотворительной организации, я его возглавляла. Помогала людям, которые ищут детей. Мне нравилось помогать, словно проживать с людьми их историю. Они приходят и говорят: «Вы знаете, мы 10 лет пытаемся родить

ребенка, у нас было едва ли не 150 ЭКО, но ничего не получается. Мы люди верующие, хотим усыновить». И вот берешь их за руку, ведешь в ШПР, помогаешь с оформлением документов, даешь телефоны, пароли, адреса. Очень много было таких историй интересных, когда люди находили своих детей. С очередной парой я поехала в Дом ребенка и спросила главврача про Диму, в уверенности, что его давно усыновили. Оказывается, он до сих пор там, но вдруг начал так удивительно развиваться! Перегнал всех сверстников по развитию, стал такой крепыш. В общем, его смотрели несколько семей, и одна подписала согласие. Потом приезжаю со следующими родителями, снова спрашиваю: «Как Димасик?» А Наталья, главврач детского дома, говорит, что он до сих пор здесь. На него согласие подписали, мама приходила несколько раз, но как-то он не пришелся ей по душе. И я, не видя его больше ни разу, говорю, что его усыновлю. А сомневающуюся маму заставлять не надо. Есть такие люди, которые неизвестно, кого ищут – им надо с собой разобраться сначала, а потом уже ребенка усыновлять. В общем, я собираю документы, снова еду в Дом ребенка с очередными родителями, и директор спрашивает: «Хочешь его увидеть?» Я захожу, Димка спит поперек кровати, ноги задрал. Башка большая, но уже видно, что у него все хорошо. Белобрысый, щеки красные, диатез. Схватила бы и увезла! Я говорю: «Это мой ребенок, я ничего не хочу знать про болезни, про инвалидность – ходит он, не ходит». Кстати, у его мамы есть еще ребенок, которого она сама воспитывает. Живет она в хорошей квартире, не пьет. А Дима родился сильно недоношенным, и ей сказали, что будет безнадежный инвалид. Она решила, что не потянет двоих, отказалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.